

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ
Министерства образования и науки Республики Армения
Армянская Ассоциация “Педагогическая инициатива”
Академия педагогических и социальных наук

ISSN 1829-4162

Русский язык В Армении

2019

---

1 (110)

Ռուսաց լեզուն
Հայաստանում

Ереван - 2019

Главный редактор – А. М. Амирханян
Ответственный секретарь – А. А. Мирзатунян

Ответственный за номер – А. В. Акопян

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ: Председатель общ-ва „Армения-Россия”, д.ф.н., профессор М.Д. Амирханян Вице-президент АПСН С.К. Бондырева (РФ) Председатель Ассоциации "Педагогическая инициатива" А.С. Испирян Ректор АГПУ им.Х.Абовяна, д. ист. н, профессор Р.К. Мирзаханян Академик АПСН М.А. Мкртчян	РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: А.В. Акопян (ЕГУ) А.Ж. Арутюнян (ЕГУ) Л.Г. Баласанян (АГПУ им.Х.Абовяна) Г.Г. Барикян (Французский университет в РА) М.М. Геворкян (АГПУ им. Х.Абовяна) И.Б.Геворкян (ОШ №131 им. П.Яворова) С.И. Кормилов (МГУ имени М.В. Ломоносова, РФ) А.Б. Кузьминская (ЕГУЯСН им. В.Я. Брюсова) М.Ч. Ларионова (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, РФ) В.В. Мадоян (НУАС Армении) Г.В. Маркосян („АЙБ” ОЦ) И.А. Орехова (Гос.ИРЯ им. А.С. Пушкина, РФ) И.В. Приорова (РосНОУ, РФ) С.Б. Самуэлян (ЕГУЯСН им. В. Я. Брюсова) И.Р. Саркисян (АГПУ им.Х.Абовяна) А.Я. Хачикян (ЕГУЯСН им. В. Я. Брюсова) К.И. Шарафадина (СПбГУТД, РФ)
---	---

Компьютерный набор, корректура, оформление и печать А.А. Мирзатунян

Հիմնադիր և հրատարակիչ՝ Կրթության ազգային ինստիտուտ
Հասցե՝ ք. Երևան, Տիգրան Մեծի, 67:
Վկայական՝ № 01Ա 044424, տրված 16.02. 1999 թ.:
Տպարանակը՝ 1500: Ծավալը՝ 4 տպ. մասով:
Երաշխավորված է տպագրության՝ 26.12.2017 թ.
ՎԱՃԱՌՔԻ ԵՆԹԱԿԱ ՉԷ:

Издатель
ЗОО „Национальный институт образования” РА.
Адрес: Ереван, Тигран Меци, 67. Тел: 010 571531, 571116.
www/http: aniedu.am
E-mail: info@aniedu.am
Свидетельство № 01 А 044424 выдано 16.02.1999 г.
Ответственный за издание журнала **А. Амирханян**

Формат 70X100 1/16. Объем 64 стр. Тираж 1500
Рекомендовано к печати
Общеобразовательным школам предоставляется бесплатно.

Խմբագրության ներկայացված նյութերը գրախոսվում են: Արտատպության դեպքում հղումն անսազրիմ պարտադիր է:
Դպրոցների անվճար տրվում է մեկ օրինակ, որը պետք է պարտադիր գրանցվի դպրոցական գրադարաններում:

Лицензия № 904

Журнал «Русский язык в Армении» включён в Перечень принятых ВАК РА рецензируемых научных журналов, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

ЛИНГВИСТИКА

ИЗ ИСТОРИИ НЕКОТОРЫХ АРМЕНИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЧАСТЬ I

А.Б. АБГАРЯН
ЕГУЯСН им. В.Я. Брюсова

Изучение тысячелетних армяно-русских взаимоотношений до настоящего времени продолжает желать лучшего. Более лакунарный характер носит исследование языковых связей, ограниченный древним и новейшим периодами. За пределами внимания лингвистов остался период XVIII-XIX вв., многочисленные письменные источники которого сохранили информацию об армянских проникновениях в русский язык. Среди них следует назвать *нариндж*, *вардапет*, *сгнах*, последние два из которых не нашли отражения в историческом словаре русского языка XVIII в.

Ключевые слова: *источниковедение, армяно-русские языковые связи, заимствования, арменизмы.*

Известно, что экономические, политические, военные и культурные взаимоотношения между народами способствуют обогащению их языков, свидетельством чего являются и заимствования. Не представляют исключения и русско-армянские связи, имевшие место еще до образования Киевской Руси. В период расцвета этого восточнославянского государства экономические и культурные связи с Арменией активизировались. В результате освоения армянами Каспийско-Волжско-Балтийского торгового пути, принятого именовать «армянской дорогой», поселения армян появились в России задолго до татарского нашествия. В средние века армянские ремесленники, торговцы, врачи обосновываются также во Львове, Киеве, Москве, Нижнем Новгороде, в дальнейшем – в Астрахани и других городах России. И на фоне столь тесного, более чем тысячелетнего сотрудничества поражает малочисленность установленных свидетельств русско-армянских языковых связей, в частности, мизерность выявленных арменизмов русского языка, основную причину чего прежде всего следует усматривать в недостаточной разработанности проблемы. За некоторым исключением эта лакуарность относится не только к древнейшему периоду [10].

В неизвестном рукописном «Парижском словаре московитов» /1587/, увидевшем свет благодаря стараниям французского слависта П.Буайе и Б.А. Ларина, при перечислении используемых в Московской Руси различных красок автор упомянул и русское соответствие французской лексеме: «Orange.

Norengе sevuеt *норанж цвет*» в значении «апельсиновый цвет». Это созвучие в русской и французской частях словаря П.Буайе пытался ошибочно объяснить опечаткой или осведомленностью толмача в арабском языке. На несостоятельность таких предположений указал Б.А. Ларин, заметив, что несовпадение обеих половинок словаря исключает первое допущение: слово это известно в русском языке и «к тому же не арабского, а персидского происхождения, хотя во французский оно попало действительно через арабское посредничество» [13: 303]. Впрочем, указание Б.А. Ларина на персидский источник также нуждается в дополнительных разъяснениях, ибо установление языка заимствования требует выявления не всегда идентичных языка-источника и языка-посредника (т.е. определения генетического и исторического языка).

Сведения этого словаря на столетие опережают оригинальные упоминания: в памятниках Московского государства формы *норанжа*, *неранжа*, *нерамжа*, так именовавшие плоды и дерево, встречаются лишь с середины XVII в. Кстати, составители многотомного «Словаря русского языка XI-XVII вв.», признавая необычность этой лексемы для русского языка, не случайно ссылаются на современное арм. слово *нариндж* (в словаре опечатка *нарандж*), ибо по большей мере фрукт поставлялся в Московию доминировавшими в персидско-русской торговле армянами. По мнению армянского этимолога Г.А.Ачаряна, для арм. նարինձ, նարինջ, [narintsch, narindj], грузин. *наринджи*, среднеперс. *норанг* и новоперс. Существительного *нариндж* и прилагательного *нарнджи*, араб. *nāranj* (в арабском нет *g*) первоисточником является индийский язык: санскрит. *nāraṅga* (сокращенное из *nāga* «медь» *ranga* «цвет, оттенок»), гуджарати *норанги*. С помощью арабов плод и его название получили распространение – афган. *nāranj*, венгр., албан. *naranc*, курд. *nāranj*, латин. *narantium*, хиндус. *naranj* [4: 431]; греч. *неранци*, итал. *narancia*, испан. *naranja*, *naranjilla* и *arancia*, португ. *laranjeira*; *laranja* и пр. Испанско-итальянское слово подверглось дальнейшей метаморфозе: лексема *narancia*, очевидно в результате декомпозиции с артиклем *innarancia* трансформировалась в *un arancia*. Форма *arancia* была заимствована французами как *arange*, видоизменилась в *orange*, откуда в виде цветового обозначения «оранжевый» проникла в русский язык. К слову, в более южных областях Индии и на Цейлоне португальские купцы обнаружили родственный более сладкий цитрус, назвав его *potto d'arancia* «апельсиновым яблоком», что в немецком языке изменилось в *Pommeranz*, откуда в виде *померанец* был перенято в русский язык.

Армянское слово в значении цветового обозначения отмечается уже с X века [18: 567], что увеличивает вероятность армянского посредства. Об этом свидетельствуют и материалы, извлеченные из фондов Российского государственного архива древних актов [РГАДА]. Опубликованные в сборнике «Армяно-русские отношения в XVII веке» эти письменные источники сохранили свидетельства о том, что армянские купцы из Персии русскому царю неоднократно привозили апельсиновую водку. Так, в составленной русским чиновником в марте-августе 1660 г. росписи даров, поднесенных царю Алексею Михайловичу прибывшим от Армянской торговой компании ходжой Закаром Саградо-

вым, наряду с инкрустированным алмазным тронem и композицией «Гайная вечеря» известного армянского художника Богдана (Аствацатура) Салтанова можно обнаружить *скляницу водки нарызжовой*, несколько позднее при повторном перечислении также названную *нарынжевой* [2: 22]. Неотмеченное цитируемым многотомным историческим словарем это прилагательное по своей огласовке созвучно армянскому произношению и в памятниках датируется близким к однокоренному существительному временем. По этой причине если об историческом посреднике для заимствования раннего названия этого фрукта в русский можно только строить предположения, то относительно языка-посредника для однокоренного прилагательного сомнений быть не может.

Своего включения в русский тезаурус ожидает и известный по различным памятникам деловой письменности экзотизм *варданет* в значении «высокообразованный в докторской степени армянский богослов, проповедник, наставник, легат, управляющий церковными делами и др.». В современной литературе этот титул соотносится (иногда не вполне адекватно) с «архимандритом» и «протоархимандритом», а в Европе *варданет* приравнивается к степени магистра богословия. В армянской духовной иерархии звание *варданет* известно минимум со времен Судебника Мхитара Гоша (XII в.) и имеет 14 ступеней: первые 4 дают право на звание частного, остальные 10 - на звание верховного вардапета.

Если не принимать во внимание единичные транслитерации *vartabed*, переводы слова в виде *usta* или *övrätüci* и польское толкование *Bozky nauczyciel*, которые встречаются в собранных и изданных А.Н. Гаркавцем письменных памятниках языка кыпчакоговорящих армян XVI-XVII вв., то проникновение лексемы *варданет* в русский и одновременно – некоторые западноевропейские языки можно соотнести с концом XVII в. С этого времени вардапет Минас Тигранян /1658-1740/, в сане архимандрита ранее служивший настоятелем монастыря в Нагорном Карабахе, в русских памятниках стал называться товарищем Исаэля Ори /1659-1711/, известного представителя армянского освободительного движения. Раннее упоминание этого религиозного чина можно обнаружить в сборнике документов Г.А. Эзова о связях Петра Первого с армянским народом: основ словосочетаниях *vardabied Nahabed варданет Наханет* и *vardabied Etienne Dchougaiesti варданет Симеон (?) Джугаецци* отмечается во французском переводе послания армянских меликов к папе римскому, датированное 19 апреля 1699 года [15: 4]. Позднее лексема трижды упомянута в армянском оригинале и латинском варианте «Послания армянских меликов к царю Петру Алексеевичу» от 29 апреля 1699 года, с которого за отсутствием знатоков армянского был сделан русский перевод для царя. В послании сообщается, что, желая освободиться от персидского и турецкого ига, армянские мелики трижды послали тайных послов в различные европейские страны. Из них только последнему Исаэлю Ори удалось достичь Европы, а оттуда – переправиться в Россию: «Девятнадцать лет уже тому суть, что господин Исаиил Ори труждается и страдает нас ради. Подали ему волю, яко что-нибудь он с Вашим Величеством договорится, мы то нерушимо будем иметь. При сем выбрали

Минаца (так!) вартапета, аббата аббации Святого Якова и послали его с прежде-реченым господином Исраилем Орием, понеже оба наши дела ведают» [15: 26]. Желая преодолеть недоверие русских к себе, прибывший окружным путем через Европу карабахский посланник передал в царскую канцелярию для ознакомления и другие документы из дипломатической переписки армянских меликов с европейскими государями. Например, в написанных не позднее 13 октября 1700 г. Послании армянских меликов и ответе от Пфальцского курфюрста именование армянского богослова представлено названиями *Domino Minas Vartabet*, *Domino Mina Vartabete* и *dominus abbas Minaces* [15: 57, 59, 60, 61], что в русской копии подъячим было соответственно переведено в виде *господин Минас Вартапет* и *господин Минас абас*. А в русском переводе с латинского ответа, направленного цесарем Священной Римской империи армянским ходатаям, словам *Minas Vartabet*, *abbas mitratus magnae abbatiae Sancti Jacobie* соответствуют «*Минас вардапет*, *абас митратус абации святого Якова*» [15: 65]. Это позволяет предположить, что очевидно арменизм продолжал восприниматься как неотъемлемая часть имени собственного. В дальнейшем в русских деловых письмах, в записях расспросных речей и пр. из Государственного посольского приказа 1700-1721 гг. эта духовная особа именовалась неизменно как *Минас вардапет*, или *армянской веры абаз Мина вартапет*, или как *духовная особа вартапет Минас абас* [15: 69, 70, 94, 137, 169, 249 и пр.].

Примечательно и смысловое становление варваризма в русском языке. Если первоначально отмечается желание русских дьяков занизить значение арм. *вардапета*, соотнеся с латинско-русским *аббат*, то в упомянутом письме цесаря духовное звание Минаса приравнивается уже к *абасу митратусу*, т.е. к «архимандриту с шапкой». В записи посольского приказа от 7 ноября 1702 года о перехвате двух писем от курфюрста Баварского к армянам Исраэлю Ори и Минасу слово *вартaped* уже толкуется как «патриарший наместник» [15: 138]. А в Сенатском указе за номером 3400 «О соблюдении Греко-Российскими священниками церковных правил при крещении и браке Армян» от 5 июля 1719 года армянский *вардапет* приравнивается к православному *архиерею* «высшему чину монашествующего духовенства (епископ, архиепископ, митрополит, патриарх)»: «По доношению армянского Архиерея Минаса о крещении Армян и о браке их, Российским священникам чинить по правилам церковным, а противно того отнюдь никому не чинить, и того смотреть Игнатию, Митрополиту Сарскому и Подонскому» [1719 г. Июля 5. – 1: V, 721; 1: I: 10].

С марта 1711 г. делами армянских меликов стал руководить государственный канцлер и тайный советник граф Г.И. Головкин, личную переписку с которым И.Ори в качестве якобы западноевропейского посла к персидскому шаху осуществлял через *Минаса вардапета*. Иное написание с заглавной *Вартабет* можно обнаружить в письме этого двойного агента на имя царя от 20 марта 1711 года [15: 270]. После смерти И.Ори вся резидентская связь стала осуществляться через хорошо осведомленного вардапета Минаса. Русские копии его донесений этого периода, переводившиеся неким армянином Мироном Мустафиним, впервые обнаруживают и изолированное употребление этого

существительного и однокоренного прилагательного: «Те письма с армянского языка переведены на словенский язык со слов вартапедовых через толмача Мирона Мустафина. А о персидских ведомостях он вартапед против письма ориева спрашиван – может ли он вартапед те ведомости ему секретарю за секрет сказать» [15: 262-286]. Годом позже обе формы упомянуты и в жалобе графа Г.И. Головкина к Правительствующему Сенату о бесчинствах и присвоении Астраханским губернатором П.М. Апраксиным пожитков, вещей, товаров и гостинцев для царского величества, которые псевдопосланник не довел по причине смерти [15: 297]. Начиная со второго десятилетия XVIII столетия Посольский приказ обзавелся и другими армянскими толмачами (Лука Ильин сын Ширванов, Богдан Христофоров), переводившими письма вардапета Минаса для русских подьячих. Эти собственноручные донесения вардапета они нередко завершали припиской: «подписал армянский архиерей вартапед своей рукой армянскими литеры». Лексема *вардапет* упомянута и в мемориях, пасах и наказах Петра I русскому посланнику в Персии Вольнскому. Приводимые Г.Эзовым документы выявляют графическое разнообразие в воспроизведении этого слова: в них встречаются воспринятые на слух с конечным оглушенным согласным формы типа *вартапету*, *вартапета* [15: 26, 70, 94, 294, 346], гиперкорректные написания в виде *вартабет* [15: 294, 328] и *вартапед* [15: 262, 284, 286, 328], – вариативность, сохранившаяся и в следующем столетии.

В XIX веке исследуемая лексема находит отражение в повествованиях русских об Армении. В 1828 году в редакторской статье из «Московских ведомостей» можно обнаружить, что, несмотря на погромы, «армянская церковь существует еще в полной силе. Кроме епископов, священников и диаконов, она имеет еще так называемых *вертапитов* (так!), или духовных учителей; народ почитает их людьми весьма учеными; им позволено говорить проповеди сидя» [11: с. 1353]. В четырехтомном «Обзрении российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях» /1836/ при описании Карабахской провинции анонимный автор обращает внимание, что «армянское духовенство делится на *черное* (вардабеты, архиепископы, епископы, архимандриты) и *белое*, т.е. священники, дьячки и весь церковный причет» [12: III: 268]. В середине века в своем «Историческом памятнике состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи» /1582/, удостоенной высокой премии императорской Академии наук, известный историк И.Шопен обращает внимание на орфографическую нерешительность в русских переводах – *вартапет* и *вардабет*, хотя при описании армянской духовной иерархии он указывает устоявшееся написание: «Епископам поручался обыкновенно один город с соседними деревнями; значительные местечки находились под надзором хор-епископов, – звание, ныне заменяемое викариями или вардапетами... *Вардапет* – слово это, которым армяне вообще называют своих монахов, значит в буквальном смысле доктор теологии или проповедник, или же наставник в богословских науках. В вардапеты посвящали людей ученых с глубокими сведениями и безупречной жизни.» [14: VII: 674]. Несколькими годами позже лексема была пояснена и в

русском переводе исследования «Нынешние армяне» французского ориенталиста Жака-Поля-Франсуа-Эдуарда Дюлорье /1807-1881/: «После католикоса в служебной иерархии идут архиепископы, епископы, священнослужители или *дердеры* [т.е. арм. տերտեր «святые отцы»]. Дердеры до поступления в духовенство обязаны жениться; высшему же духовенству и монахам брак запрещен. Духовные сановники избираются из монахов. Из них же избираются и *вартабеды* или богословы, обязанность которых поучать и проповедовать» [7]. В конце столетия о сохранении высокого духовного авторитета института вардапетов можно прочесть в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона /1890-1908/. Тогда же на необходимость включения лексемы в словник иностранных слов указал «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» А.Н. Чудинова /1910/. В качестве синонима к словам *архимандрит* и *проповедник* лексема *вардапет* названа и в «Словаре синонимов ASIS» В.Н. Тришина /2010, 2013/, а с пояснением «учений чернець у вірменів» отмечается также в «Великом тлумачном словнику сучасної української мови» под редакцией В.Т. Бусела [5: 112], чего нельзя сказать о современных русских словарях.

Лексема *вардапет* встречается и в некоторых исторических исследованиях, например, в «Очерках по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв.» И.П. Петрушевского /Л., 1949/. Слово и его толкование для русского читателя приводится в «Истории Егише вардапета» в переводе П.Шаншиева /Тифлис, 1852/, в «Истории халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в.» в переводе К.Патканова /СПб., 1862/, в «Повествовании вардапета Аристаке́са Ластивертци» /М., 1968/, в «Книге историй» Аракела Даврижеци /М., 1973/, в русском переиздании «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци /Ер., 1990/, в исследовании «Меликства Хамсы» и историческом романе «Самвел» /1886/ крупнейшего армянского исторического романиста Раффи /1835-1888/. Слово включено и в список пояснений армянских реалий в книге «Сорок дней Муса-дага» австрийского гуманиста Франца Верфеля /1933/, увидевшей свет на русском языке в 1988 году и мн. др. Наконец, в виде антропонима *Вардапет* можно обнаружить в русских онлайн именователях; этим именем назван и некий южный персонаж в романе «Налог на убийство: оплачено кровью» В.Виноградова.

Таким образом, выявляемая частотность употребления позволяет включить *вардапет* в современные словники русских академических словарей, благо, прецедент имеется.

К эпохе Петра Первого следует отнести и русское заимствование арменизма տղնախ [sghnach] *сгнах* или *сыгнах*, хотя в русскоязычных исследованиях армянских историков преобладает орфография *сагнах*. В словнике «Диалектного словаря армянского языка» /2001-2012/ со ссылкой исключительно на карабахский говор армянского языка лексема տղնախ [sghnagh] представлена двумя статьями в значениях «железное кольцо, прикрепляющее железную косу к древку» и «убежище, крепость» [16: 5: 365]. В значении «крепость» историзм *сгнах* отмечается и в «Толковом словаре современного армянского языка» Е.Б.

Агаяна /1976/ [16: 1311]. Последнее значение историзма в упомянутых словарях отражается чрезмерно обобщенно и, следовательно – неполно. Оно этимологически уподобляется азерб. *сыгнах* в смысле «убежище, приют» и соотносится с глаголом *сыгырмаг* «искать убежище или защиты» (ср. тюрк. *siğnak* «пещера, убежище»), что также необоснованно в историческом аспекте.

По мнению Г.Т. Малхасяна, специально занимавшегося историографией сыгнахов Карабаха и Сюника, армянские исследователи становление этих «оборонительных, военно-политических центров или объединений восставших армян» связывают со вторым десятилетием XVIII века. Первоначально призванные противодействовать участвовавшим набегам горцев Дагестана эти объединения в дальнейшем переориентировались на антиперсидскую и антитурецкую освободительную борьбу, одновременно осуществляя также государственные и дипломатические функции [9: 85-93]. В этой связи словарную статью армянских словарей следует пополнить толкованием «оборонительное, военно-политическое объединение; центр самозащиты армян; лагерь армянского войска», что сопоставимо со словосочетанием *армянское собрание*, которое наряду с заимствованной лексемой употреблялось в русских памятниках. С этим перекликается и свидетельство британского путешественника и купца Джонаса Ханвея, данную форму армянских укрепленных районов определившего словами «*нечто вроде республики*»: «Зима [1727 г.] прошла без каких-либо событий, достойных упоминания за исключением того, что Сави Мустафа, который покинул Ганжу, губернатором которой он был, и рассеял армян в окрестностях Шемахи. Эти люди, учитывая нынешние обстоятельства, образовали нечто вроде республики, которая, как мы упомянули, отличилась тем, что нанесла полное поражение армии из шести тысяч человек, которых Абдулла паша послал против них прошлым летом» [19: 252].

Первое упоминание заимствования можно обнаружить в составленных Государственной коллегией иностранных дел записях расспросов недавно прибывшего армянского священника Антона Аракелова. 26 ноября 1723 года он свидетельствовал, что карабахские армяне свое освобождение от персидско-турецкого ига видят исключительно в русской военной экспедиции. При ее подходе к Шемахе к ней, по утверждению священника, присоединится и армянское войско, которого «много имеется ныне в собрании в горе, именуемой *Согнаге*» [15: 362]. Сведения о сильном армянском ополчении русским показались баснословными и подверглись проверке. Не случайно, 1-го февраля 1724 года русский подданный Иван Карапет цифирными¹ литерами (тайнописью) доносит князю Баратынскому, что он, царское обращение-указ к армянскому народу «под видом нищенским... взяв, с Божьей милостью в девятый день доехал в армянский маленький Согнах, а оттуда поехал в большой Согнах» [15: 365]. Перепроверялась и личность самого священника, и уже 19 марта 1724 года генерал М.Матюшкин доносил в иностранную коллегия, что Антоний Аракелов действительно прибыл в Баку «нарочно от собрания войска армянского из мес-

¹Вспомним из «Полтавы» А.С. Пушкина: «Во тьме ночной они, как воры... Слагают цифр универсалов...»

та, именуемого Сагнаху» [15: 368]. Отмечаемая в виде топонима с заглавной буквы лексема тем не менее толковалась и чередовалась, повторим, со словосочетанием *армянское собрание* (из армянского *Հայրդ սղիւիւի*, наряду с *սղիւիւի*) или *собрание армянское в провинции Карабахской*, о чем свидетельствуют приводимые Г.Эзовым выписки из документов иностранной коллегии [15: 386-388, 390]. А из записи словесных заявлений названного армянского попа Антония и купца Кевги Челеби от 5 ноября 1724 года можно уяснить, что в это время армянское собрание с юзбашем Аваном было расположено при деревне Шош [15: 429].

С приходом к власти Екатерина I Алексеевна /28.02.1725-06.05.1727/ продолжала внешнюю политику мужа в отношении армян, и взаимоотношение с армянским собранием неоднократно обсуждалось во время заседаний Государственной коллегии иностранных дел. Об этом свидетельствует и запротоколированная на Верховном тайном совете и переведенная на армянский язык упоминавшимся Л.Ширвановым «Грамота ее императорского величества к армянскому собранию и всему честному армянскому народу» от 22 февраля 1726 года [15: 439]. Осенью того же года главнокомандующий войсками на Кавказе, генерал-аншеф, князь В.В.Долгорукий напомнил императрице о сагнацких армянах и выехавших оттуда в Россию юзбашах: минул год, как «перед отъездом его из Рязца приехали к нему от армянского собрания, называемого от них *Сагнак*, посланные юзбаши просят помощи...» [15: 435-436, 438-439].

Обнадеживающая лишь на словах политика в отношении армян не изменилась и в период непродолжительного воцарения императора Петра II Алексеевича /06.05.1727-19.01.1730/, о чем свидетельствует донесение ему А.И. Румянцева из Баку: от армян он не имеет покою, они беспрестанно докучают, чтобы он направил к ним в Сагнаки российские войска: «доношу Вашему императорскому величеству: тому несколько лет назад, по указанию блаженныя и вечнодостоинныя памяти его императорского величества имеем мы в Сагнаках армянское собрание и имеем с турецкими войсками беспрестанные баталии». Несколько далее в этом же донесении лексема представлена в формах *Сагнага*, *армянском Сагнаге /сиречь в собрании/* [15: 439]. Однако в целом в бумагах А.И. Румянцева и иностранной коллегии выявляется использование формы во множественном числе, объяснение чему можно обнаружить в заявлении, сделанном в коллегии иностранных дел посланным от армянского собрания юзбашой Тарханом: «Армянское собрание состоит в четырех военных частях, в которых имеются начальники шесть человек, а именно Аван и он Тархан, и еще Абрам, Уан, Багы, Авак, в команде которых находится с 30 тысяч человек военных, а кроме тех военных людей поселян и купецких людей у них нет, опричь тех, которые приезжают и отъезжают с купечеством из разных мест торговать, которым никакого препятствия как в приезде и отъезде, так и в купечестве не чинится; и живут они армяне в крепких местах, в горах, и как они надеются, что никто их по крепости местоположения и по силе их взять и оными местами овладеть не может» [15: 444].

Слово *сгнах* было известно и употреблялось в официальной переписке и при императрице *Анне Иоанновне* /1693-1740/. В донесении на ее имя от 14 сентября 1733 г. о возможности при помощи армян завладеть Малой Арменией, именуемой «*армянскими сигналами*» барон Петр Шафиров предлагает: «...И ежели возможно сим или другим образом, о котором в общем нашем з генералом Левашовым доношении объявлении, а имянно: через армян сыгнацких сей город [Шемаху], не упуская времени, взять, то б мочно всего Малою Армениею, или ныне называемыми армянскими сыгнаками, завладеть, которые земли все армянскими храбрыми христианами населены, и оные сами собою несколько лет как от турок, так и от персиян оборонялись» [3: 35]. Несомненно слово продолжало оставаться в употреблении и в Иностранной коллегии, о чем свидетельствует подписанный фактическим руководителем русской внешней политики при Анне Ивановне *А.И. Остерманом* «Доклад по ходатайству служащего в армянском эскадроне полковника Лазаря Христофорова и вышедшего из Персии Авана юзбаши с резолюциею императрицы» от 26 июня 1734 года, где неоднократно употребляются написания *сагнак* и *сагнацкие армянские старшины* [16: 458,459].

Дальнейшую судьбу этого заимствования в русском языке проследить сложно. Впрочем, в русском языке слово обнаруживается также в виде топонима *Сигнах*, так называвшем уездный город в Тифлисской губернии (совр. *Сигнахи* в восточной Грузии), географическое местоположение которого удивительнейшим образом схоже с карабахско-капанскими сгнахами. Прямых указаний на связь этого названия с упомянутыми сгнахами нами не обнаружено. Но сведения о том, что армян по их просьбе в это кахетинское ущелье поселил грузинский царь Ираклий II (1720-1798), что в 1772 году в крепости и ее окрестностях проживали 84 армянских князя [*мелика?* – б: 200] и что большая часть населения города до середины XIX века составляли армяне-торговцы и ремесленники [18: 41], следует признать вескими аргументами. Таким образом, слово *сагнах* при многообразии своих графических вариантов заслуживает своего включения в глоссарий русского языка XVIII века.

В целом следует признать, что заимствования слов *вардапет* и *сгнах* позволяют пополнить тезаурус русского языка и обнаружить новую сторону многогранных армяно-русских языковых связей, исследование которых потребует еще немало усилий лингвистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты истории арм. народа. М., 1833. Т.1
2. Армяно-русские отношения в XVII веке: сборник документов. Ер., 1953. Т. I.
3. Армяно-русские отношения во втором тридцатилетии XVIII в. Ер., 1978. Т. III.
4. *Ачарян Р.А.* Этимологический словарь армянского языка. Ер., 1971-1979. Т. 1-4.
5. Великий тлумачний словник сучасної української мови. Киев, 2005.
6. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам, в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809.
7. *Дюлорие Э.* Нынешние армяне. Тифлис, 1856
8. *Иоселиани П.И.* Путевые заметки по Кахетии. Тифлис, 1846

9. *Малхасян Г.Т.* Сигнахи Арцаха и Сюника: к историографии вопроса// К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении. Ер., 1991.
10. *Меликсет-бек Л.М.* Древняя Русь и армяне//Сборник АН Арм.ССР. Ер., 1946. Т. 1.
11. Нечто об армянах // Московские ведомости, 1828.- No 31
12. Обзорение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографском и финансовом отношениях. СПб., 1836.- Ч. I-IV
13. Парижский словарь москвитов. 1948.
14. *Шопен И.И.* Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи.
15. *Эзов Г.А.* Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898.
16. *Աղալյան Ե.Բ.* Արդի հայերենի բացատրական բառարան. Եր., 1976.
17. Հայոց լեզվի բարբառային բառարան. Եր., 2008. Հատ. 5.
18. Ղազարյան Ռ.Ս., Ավետիսյան Հ.Ս.. Միջին Հայերենի Բառարան. Եր., 2009.
19. *Hanway, Jonas, Merchant.* A Historical Account of the British trade over the Caspian Sea with the Revolutions of Persia. London, 1754. Vol. III, Part VIII.

**ՈՌՌՍԱՅ ԼԵԶՎԻ ՀԱՅՎԱԿԱՆ ՓՈԽԱՌՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ Ի-ին մասս
Ա.Բ. ԱԲԳԱՐՅԱՆ
ԵՊԼՀ**

Հայ-ռուսական հազարամյա հարաբերությունների ուսումնասիրությունը մինչ օրս գտնվում է ոչ բավարար վիճակում: Բացթողումներով է լի լեզվական կապերի հետազոտությունը, սահմանափակված լինելով միայն հնագույն և նորագույն ժամանակաշրջաններով: Գիտնականների ուշադրությունից դուրս է մնացել 18-19-րդ դարերի բազմաթիվ ռուսական գրավոր աղբյուրներ, որոնց մեջ հիշատակում են հայկական բառեր: Այդ թվում են՝ *նարինջը, վարդապետն և աղնախը*, որոնք տեղ չեն գտել 18-րդ դարի ռուսաց լեզվի պատմական բառարանում: *Առանցքային բառեր. աղբյուրաբանություն, հայ-ռուսական լեզվական կապեր, փոխառություններ հայերենից:*

**FROM THE HISTORY OF SOME ARMENISM IN THE RUSSIAN. Part I.
A.B. ABGARYAN
YSULS**

By now, the study of multi-thousand-year-old Armenian and Russian relationships has left much to be desired. The research of linguistic affinity, limited by the ancient and recent periods, is somewhat of lacuna nature. Beyond the linguists' consideration has been left the period between the XVIII and XIX centuries, the multiple written records of which have preserved the information on penetration of Armenian into Russian. Of them «naringe», «vardapet», «sgnakh» are worth mentioning, the last two of which have been neglected in the History Dictionary of the Russian language of the XVIII century.

Key words: *the history of original sources, Armenian-Russians linguistic, connections, loan-words, Armenisms.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 4 марта 2017 г., подписана к печати в номер 1 (110) / 2018 26.12.2017.

РОЛЬ ПЕРСУАЗИВНОСТИ В ДИАЛОГИЗАЦИИ МОНОЛОГА

С.П. ЛАМБАРДЖЯН,
Р.С. ТЕР-САРКИСОВА
ЕГУ

*Я – семья,
Во мне, как в спектре,
Живут семь “я”,
Невыносимых, как семь зверей.*
А.Вознесенский

В статье рассматриваются языковые средства и возможности категории персуазивности в диалогизации монолога. Модусная субъективная категория персуазивности имеет ряд значений и формирует семантические особенности речи при передаче информации.

Ключевые слова: антропоцентризм, персуазивность, монолог, диалог, поток сознания, расщепление мысли.

Целью предлагаемого вниманию исследования является анализ некоторых (из многочисленных) возможностей модусной субъективной категории персуазивности в деле диалогизации монолога. Отметим, что из многочисленных “прочтений” данной категории выбираем предложенное такими авторами, как Ш.Балли, В.А. Белошапкова, Т.В. Шмелева [См.: 1, 2, 9]. Вслед за указанными авторами под персуазивностью понимаем модусную (субъективную) категорию, отражающую степень уверенности говорящего в достоверности информации. Персуазивность формируют две семантические области – уверенность и неуверенность, каждая из которых сложно организована, так как в их структуры входит ряд значений.

Значения уверенности/неуверенности представлены в информации двумя способами – имплицитно (нулем) и эксплицитно.

Экспликаторами персуазивных значений являются, в первую очередь, **вводно-модальные слова** (*конечно, разумеется; может быть, наверно, кажется* и под.) и **модальные частицы** (*якобы, вроде, вряд ли, едва ли, разве, неужели* и под.).

Исследование призвано осветить вопрос о том, какова роль персуазивных значений в отражении расщепления **Я-Эго**, его мыслительной и психоэмоциональной сущности, результатом чего является диалогизация монолога.

Известно, что в лингвистике (и русистике, в том числе) не утихают дискуссии о соотношении **диалог-монолог**. Все признают, что диалог – первичная форма коммуникации, а монолог – вторичная форма. Споры

ведутся вокруг того, оправданно ли выделять монолог как самостоятельную форму.

“Диалог предстает как форма речи, где наиболее полно реализуется коммуникативная функция языка” [8: 43].

Как видим, здесь предпочтение отдается диалогу как форме коммуникации. “В зависимости от направленности речевого потока выделяют диалогическую и монологическую речь. <...> При однонаправленном речевом потоке коммуникация характеризуется активностью только одного из коммуникантов. Речь считается диалогической, если передача информации происходит в двух и более направлениях” [4: 193]. Но все больше и больше звучат голоса лингвистов, утверждающих, что: “диалогичность состоит не только в столкновении отраженных в тексте позиций разных субъектов, как и в саморасщеплении авторского субъекта” [3: 33-34]. Это значит, что “<...> диалогичность присуща не только диалогическим текстам (фиксированный знаками разговор двоих), но и монологическим” [8: 46].

Диалог считается прямой коммуникацией при непосредственном контакте участников, а монолог – косвенным общением “<...> при одностороннем характере коммуникативных ролей” [7: 40].

Приведенные мнения выявляют следующее положение дел:

1. Основная (а может и единственная) форма коммуникации – диалог;
2. Диалог – первичная, прямая форма коммуникации; монолог – вторичная, опосредованная форма.

Итак, основная цель исследования – анализ роли персуазивности в отражении саморасщепления мыслительной и психоэмоциональной деятельности человека. Для этого необходимо обратиться к идее Г.А. Золотовой о двух типах информации – **объективированной** и **авторизованной (субъективированной)**. Объективированная информация передается без указания на авторство, в то время как авторизованная охарактеризована с точки зрения авторства. “Суть ее в том, что разнообразными, не вполне поддающимися описанию способами в предложении, содержащем ту или иную информацию об объективной действительности, вводится второй структурно-семантический план, указывающий на субъект, “автора” восприятия, констатации явлений действительности, а иногда и на характер восприятия” [5: 263].

Для исследуемой проблемы важно следующее:

1. Объективированная информация тяготеет к монологу; авторизованная двунаправленна, может быть актуализирована и в форме монолога, и в форме диалога;
2. Персуазивы – сигнализаторы значений из областей уверенности/неуверенности – являются средствами авторизации информации.

Сравним:

- а) *Война с Наполеоном началась в 1812 году.*
- б) *Кажется, война с Наполеоном началась в 1812 году.*

В примере а) автор объективированной информации имплицитен, его присутствие “не ощущается”. В примере б) представлена авторизованная информация посредством персуазива *кажется*.

Приведем примеры объективированной информации, когда автор “за кадром” наблюдает и передает:

а) *В возок боярский их впрягают,
Готовят завтрак повара,
Горой кибитки нагружают,
Бранятся бабы, кучера.* /А.С.Пушкин. Евгений Онегин/.

б) *Хозяин и его приближенные сидели в углу, выпивая стакан за стаканом и любуясь веселостию молодежи. Старушки играли в карты* /А.С.Пушкин. Дубровский/.

в) *Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны*

Льет печальный свет она /А.С.Пушкин. Зимняя дорога/.

Авторизованная информация может быть близка по фактуре объективированной (фиксирует положение дел), и насыщенной присутствием субъекта.

Примеры:

а) **Я шел по лесу и увидел двух лис.**

б) *Что умирать? я мнил: быть может, жизнь
Мне принесет незапные дары;
Быть может, посетит меня восторг
И творческая ночь и вдохновенье;
Быть может, новый Гайден сотворит
Великое – и наслажуся им...* /А.С.Пушкин. Моцарт и Сальери/.

Если пример а) – фиксация положения дел, то пример б) являет собой “репортаж” из внутренних мыслей, потока сознания субъекта. В последнем случае отражена напряженная мыслительная деятельность, которую трудно назвать однородной, однонаправленной.

Подобные контексты подтверждают мысль Борботько о том, что “текст может отражать не только столкновение позиций разных субъектов, но и <...> саморасщепление одного субъекта” [3: 33-34].

Это значит, что **персуазивы** – вводно-модальные слова и частицы, введенные в монолог, служат не только выражению значений из семантических областей уверенности и неуверенности, но и диалогизируют его, отражают процесс расщепления, диалогизации мыслительной деятельности.

Приведем примеры, подтверждающие сказанное:

а) **Не знаю, может быть, я ошибаюсь, это мое мнение, но мне кажется, что в “Травиате” голос Доминго звучал во всей красе** /т/к “Культура”, т/п “Мастера мировой оперы”. Зураб Соткилава/.

б) **Я так думаю, предполагаю, нет, уверен, что всем понравится обновленный Большой театр** /т/к “РТР”, т/п об открытии Большого театра после реставрации. Н.Брилев/.

Все приведенные примеры отражают процесс расщепления мыслительной деятельности *Я-Эго* и воплощение этого процесса в языковых реализациях. Здесь показаны колебания субъективной позиции говорящего, причем они могут носить однонаправленный характер с переходом от неуверенности к **субъективной уверенности** (пример б), колебания в пределах одной семантической области (неуверенности – пример а); “широкоамплитудные” колебания с переходами из области неуверенности в область “уверенности”, носящие умозрительный характер, так как изначально задается установка: все есть предположения, догадки, намеки, невозможно ни при каких обстоятельствах установить истинное положение дел.

а) *Невозможно утверждать положительно (и, конечно, никогда не появится подтверждающий нижеследующую ассоциацию намек), знал ли (впрочем, вероятно, знал), вспомнил ли в какой-то момент Мандельштам шуточное стихотворение Жуковского /И.М. Семенко. Поэтика позднего Мандельштама/.*

Приглядимся пристальнее к монологу – диалогу, где процесс расщепления передается в первую очередь с помощью персуазивов.

Языковой материал позволяет выделить (отметим, весьма условно) два направления поисков: 1. Диалогизация монолога, вызванная а) **внешними**, б) **внутренними** факторами; 2. Диалогизация **биполярная/ “полиполярная”**.

Прежде чем перейти к анализу, остановимся на освещении одного из важных для исследования понятий, а именно: на понятии “поток сознания”. С некоторыми оговорками можно утверждать, что именно монолог фиксирует языковыми средствами и передает то, что понимают под этим термином.

Основатель философии прагматики У.Джеймс понимал под потоком сознания последовательность непрерывно сменяющих друг друга целостных психических состояний. Употребляется обычно в переносном смысле и иронически по поводу излишне эмоциональной, сбивчивой, без внутренних логических связей речи [10: 96].

“Поток сознания – способ повествования, имитирующий работу человеческого сознания и подсознания. В отличие от родственного ему внутреннего монолога, так или иначе упорядочивающего ход мыслей и переживаний, поток сознания предполагает беспристрастную регистрацию разнородных проявлений психики общающихся, однако, в словесную форму” [6: 1823].

В исследовании будет сделана попытка показать, какую роль играет персуазивность в облечении мыслительных и психических процессов в словесные формы, причем, в “диалогизированных” монологах.

Конечно, границы между монологами-диалогами внутри отмеченных оппозиций весьма **зыбкие, прозрачные**, позволяют “безболезненные” переходы из одного “лагеря” в другой, и, тем не менее, можно проследить определенные особенности диалогизации.

Итак, **внешние/ внутренние** “раздражители”.

Ситуация 1. Говорящий наблюдает некое явление и, не обладая достоверной информацией, строит **предположения, догадки.**

Рассмотрим примеры:

а) <...> увидев перед собой убитого Шурика, магистр испытал даже не страх, а горчайшее, сокрушительное разочарование. Все это сон. Обыкновенный сон. <...> Есть и другой вариант, менее приятный. Это не сон, это сумасшествие /Б.Акунин. Алтын-толобас/. /Герой видит перед собой “убитого” киллера Шурика, и этот внешний толчок дает место диалогу с самим собой: **Может быть, сон, а может быть, сумасшествие!**

б) Он безмятежно спокоен, и я не понимаю, читал ли он. А может, это игра, он ждет, когда я проколюсь и сам начну разговор. А может, это высшее презрение /Эд.Радзинский. Загадки любви/.

Здесь внешний толчок – мысли не Я, которые говорящий пытается раскрыть, но это, как известно, практически невыполнимая задача, т.к. не только чужая душа, но и мысли – потемки.

в) <...> что такое “Сосо”? Вряд ли имя, скорее, кличка. Хотя нет. Кажется, “Сосо” по-грузински – уменьшительное имя от “Иосиф”. Старые друзья Сталина звали его именно так /Б. Акунин. Алтын-толобас/.

Здесь внешний толчок (имя) позволяет говорящему строить цепочку предположений, вступить в конфликт с первой версией.

г) И каждый вечер, в час назначенный,

(Иль это только снится мне?)

Девичий стан, шелками схваченный,

В туманном движется окне /А.Блок. Незнакомка/.

Здесь диалог с самим собой, обусловленный внешним толчком, приобретает иррациональный характер: говорящий видит, в деталях фиксирует наблюдаемое, и при этом сомневается в адекватности восприятия, сомневается в реальности описываемого (Это состояние сна – яви можно объяснить винными парами).

д) <...> на его темени светлела изрядная лысина. Приказчик, подумал Румата. Ходит по баронам <...>, скупает лен или пеньку. Смелый приказчик, однако... А может быть, и не приказчик. Может быть, книгочей. Беглец. Изгой. Сейчас их много на ночных дорогах, больше чем приказчиков... А может быть, шпион /Бр. Стругацкие. Трудно быть богом/.

Здесь целый ряд предположений подкрепляется аргументами, но это не мешает строить новые предположения.

Особенно интересна в этом плане ситуация: “чтение в чужих душах, мыслях”; внешние проявления позволяют наблюдателю строить предположения, но не больше, т.к. чужая душа и мысли (да и свои тоже), как известно, “потемки”. Рассмотрим примеры:

а) [Разведчик “читает мысли” высшего руководства относительно факта избавления от Библии].

– Зачем Библию прятал? **Может, ты ее и не прятал совсем? Может, ты боялся неприятностей и поэтому бросил ее в мусорный ящик. Думал,**

никто не узнает? А мы все знаем обо всем, что с тобой случается <...>
/В.Суворов. Аквариум/.

Герой в психоэмоциональном перенапряжении выстраивает “реальную картину” допроса высшими чинами КГБ, т.к. ему прекрасно известен (в мельчайших подробностях) механизм работы данного заведения.

б) *Она смотрела ему вслед, и он точно знал, что она думает. Она думает: “Я не знаю, может, ты дьявол, или сын бога, или человек из сказочных заморских стран, но если ты не вернешься, я умру”* /Бр. Стругацкие. Трудно быть богом/.

в) [Управляющий наблюдает за хозяйкой, дочь которой пропала, и “читает” ее мысли и чувства].

Может, ей хотелось побыть одной. Быть может, она стояла в темноте и ждала, чтобы треск мотора замолк в ее ушах, чтобы снова раздалось биение сердца, быть может, она думала, что ощутив собственное “я”, она почувет и дочь, которая была некогда частью ее “я”? Быть может, ей чудится, что она странствует без приюта по чужой земле?
/Г. Фаллада. Волк среди волков/.

в) *Снежная равнина, белая луна,*

Саваном покрыта наша сторона.

И березы в белом плачут по лесам.

Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам? /С.Есенин. Стихотворения/.

Пейзаж (все белое) навеивает мысли о смерти, а затем и прямо озвучивается эта тема (**саваном покрыто** все кругом, и **природа плачет**). Этот внешний толчок позволяет языковой личности передать свои переживания, колебания, диалог с самим собой: *Кто умер? Может, я сам?*

Языковой материал показывает, что **внешние раздражители** приводят мысленную и психоэмоциональную деятельность человека в состояние, когда для оценки наблюдаемого он начинает рассуждать; а последнее отражает процесс саморасщепления, диалогизации монолога.

Перейдем к рассмотрению **второй** (условно выделенной) персуазивной ситуации: расщепленный монолог – результат внутренних психоэмоциональных состояний. Эта ситуация позволяет глубоко проникнуть в психомыслительную деятельность **Я-эго**, “вывести на поверхность” многое из тайного, сокрытого. Ситуация “**внутренний раздражитель**” в основном обусловлена перенапряжениями, сомнамбулическим состоянием, пограничьем между “сном и явью”.

Обратимся к примерам:

а) *Я, кажется, рожден не боязливым;*

Перед собой вблизи видал я смерть,

Пред смертью душа не содрогалась.

Мне вечная неволя угрожала,

За мной гнались - я духом не смутился

*И дерзостью неволи избежал.
Но что ж теперь теснит мое дыханье?
Что значит сей неодолимый трепет?
Иль это дрожь желаний напряженных?
Нет - это страх /А.С.Пушкин. Борис Годунов/.*

б) Куда лечу? **Может**, к Богу? Бога **нет!** А **может**, все-таки к Богу? Помоги мне, Господи! /В.Суворов. Аквариум/.

в) [Поток сознания перед самоубийством].

*Странно, у меня такое ощущение, будто я умирающий, от которого все отходит... **Все ускользает**, и я не нахожу в мире ничего, за что бы **ухватиться**... Но ведь я не умирающий, я совершенно здоров. Или какие-то клетки во мне уже знают, что им **придется умереть**? **Может ли быть**, что смерть – это не только уничтожение, вызванное болезнью, но и разрушение тела силою **мысли**? /Г.Фаллада. Волк среди волков/.*

г) *Внезапно проснувшись ночью в крошечной темноте **от жуткого страха**, я спрашиваю себя: **не в гробу ли проснулся**. Я осторожно носом касаюсь мягкого теплого одеяла. **На гроб не похоже**. А **может**, я в полотнище закутан, а доски гроба чуть выше?*

***Наверное**, так люди начинают **сходить с ума**. <...> Но **может быть**, я давно **шизофреник**, только окружающие меня пока не раскусили? Это **вполне допустимо**. /В.Суворов. Аквариум/.*

Душа героя зажата в тисках страха, мечется в колебаниях, сомнениях с печальным выводом о невменяемости.

д) *Люблю ли я тебя, я **не знаю**,*

*Но **кажется мне**, что люблю! /А.К.Толстой. Среди шумного бала.../.*

Языковая личность раскрывает свои внутренние переживания, сомнения, иллюстрирует состояние “Я потерялся **сам в себе**”, раздвоен, не в состоянии понять себя.

Анализ языкового материала с точки зрения параметра **внешний/внутренний раздражитель** убеждает в мысли, что персуазивность играет важную (если не главную) роль в отражении (выражении) расщепления монолога, его разрушения, диалогизации.

Перейдем к оппозиции: альтернативная (биполярная) **диалогизация/полилогизация**.

При расщеплении мыслительной деятельности **Я-эго**, когда последний вступает в диалог с самим собой, этот процесс фиксируется и передается языковыми средствами. Наблюдаются две ситуации: **альтернативная** (да/нет) // **полилогизация**. И здесь границы весьма условны (как и в случае **внешний/внутренний раздражитель**), и, тем не менее, можно вывести некоторые различия. И основным выразителем этих различий является также **категория персуазивности**.

Рассмотрим оба члена оппозиции:

а) Монолог – “альтернативное разделение”, (монолог – диалог).

Вспомним пример: а) *Куда лечу? Может, к Богу? Бога нет! А может, все-таки к Богу? Помоги мне, Господи!* /В.Суворов. Аквариум/.

Языковая личность в своей мыслительной и психоэмоциональной деятельности раздваивается, колеблется и в конце болезненных метаний останавливает выбор на одном из полюсов оппозиции (в данном случае – на *вере*).

б) *Да был ли мальчик? Может, мальчика-то и не было?* /М.Горький. Жизнь Клима Самгина/.

Здесь представлена более сложная персуазивная ситуация, которую можно охарактеризовать как “коллективное затмение”: толпа наблюдает, как в проруби тонут мальчик и девочка, и, как результат, выражается пост-экзистенциалистская сентенция (в русле: “А я не знаю, существует ли что-либо, и я в том числе; все есть **мираж, сон**”).

в) *Сам порою сумлеваюсь,*

То ли есть я, то ли нет /Л.Филатов. Про Федота-стрельца.../.

Данная информация прямо выражает философскую идею, заложенную в тексте М.Горького: говорящий передает сомнение относительно факта собственного существования, причем в форме альтернативного выбора.

Созвучны данному положению философские и психоэмоциональные состояния, представленные в строчках из стихотворения г) *Жизнь моя! Иль ты приснилась мне?* /С.Есенин. Не жалею, не зову, не плачу.../.

г) *Ну ты подумай, как я живу, я сам себя даже не чувствую. Живу ли я, или жил ли я? – такие задаю себе вопросы.* /С.Есенин. Из письма Г.Панфилову/.

И здесь философское рассуждение приводит к выводу о миражности мира; выстраивается оппозиция: *есть ли я, или меня нет; живу ли я, или не живу...*

д) *Люблю ли я тебя, я не знаю,*

Но кажется мне, что люблю! /А.К.Толстой. Стихотворения/.

В данной персуазивной оппозиции, основанной на невозможности адекватного определения собственных психоэмоциональных состояний, все же намечается тенденция выбора в пользу одного из полюсов.

Та же альтернатива наблюдается в размышлениях Гамлета в его знаменитом монологе – диалоге с самим собой:

е) *Быть или не быть – таков вопрос <...>* /У.Шекспир. Гамлет (пер. М.Лозинского)/.

Сам Гамлет не может дать ответа, что выбрать – **действие** или **наблюдение за ходом событий**. Решает эту оппозицию в пользу **быть** (действовать) сама жизнь.

Альтернативное расщепление может быть результатом разбиения мыслительной деятельности на **здоровую** и **больную**: здоровая часть мозга принимает одни решения, больная – противоположные:

ж) *...Зыбин лежал и думал. То, о чем говорил Буддо, было совершенно невозможно. Бить тут не могли, как не могли, например, есть челове-*

ческое мясо. <...> Но так думала, так верила только одна логичная, здоровая половина его головы – другой же, **безумной и бесконтрольной**, он **знал так же твердо** другое: **нет, бьют, и бьют по-страшному!** /Б. Акунин. Алтын-толобас/.

В контексте произведения становится ясно, что в данной битве позиций побеждает провидческая точка зрения “больной части головы”, несмотря на очень веские аргументы в пользу “здоровой”.

Основой для саморасщепления может служить оппозиция **молодость/старость**, которая приводит к трудностям самоидентификации:

з) Оглянись, незнакомый прохожий,

Мне твой взгляд неподкупный знаком.

Может, я это, только моложе,

Не всегда мы себя узнаём /Н.Добронравов. Как молоды мы были/.

Основой расщепления может служить вечная борьба Я-эго с собственной **совестью**.

Рассмотрим пример: [Незнайка с помощью волшебной палочки случайно превратил друга в осла].

В эту ночь Незнайка долго не мог заснуть. Его снова начала донимать совесть.

*“Я же **не виноват, что так вышло**, – оправдывался Незнайка, вертясь на постели с боку на бок. – Я не знал, что все так плохо получится”.*

*“А почему не знал? Ты **должен был знать. Почему я все знаю?**” – твердила совесть.*

“Ну, то – ты, а то – я. Будто не знаешь, что я – незнайка!”.

*“Не хитри, не хитри! – с насмешкой сказала совесть. – Ты все понимаешь прекрасно, **только прикидываешься дурачком – Незнайкой**”.*

*“И **вовсе я не прикидываюсь! Зачем мне прикидываться?**”*

*“Сам знаешь **зачем**. Ведь с **глупого и спросу меньше**. Вот ты и прикинулся дурачком, чтоб тебе все с рук сходило. Но **меня, братец, не проведешь!** Я-то хорошо знаю, что **ты не такой уж дурачок!**”*

*“**Нет, я дурачок!**” – Упрямо твердил Незнайка.*

*“**Неправда!** Ты и сам не считаешь себя глупым. На самом деле **ты гораздо умней, чем кажешься**. Я тебя давно раскусила, поэтому и **не старайся меня обмануть – все равно не поверю**”.*

*“Ну ладно! – нетерпеливо ответил Незнайка. – **Дай мне поспать. Завтра я все исправлю**”.*

*“**Исправь, голубчик, пожалуйста!** – сказала уже более ласковым голосом совесть. – **Сам видишь, как все нехорошо вышло**. Из-за тебя столько коротышек напрасно мучится... В городе так плохо стало... А ведь как хорошо было, пока ты не появился тут со своей волшебной палочкой!”*

*“Ну ладно, ладно! **Сказал: исправлю – значит, исправлю**. Скоро все опять хорошо будет”.*

Совість убедилась, что проняла Незнайку как следует, и умолкла /Н.Носов. Незнайка в солнечном городе/.

Анализ приводит к некоторым выводам:

1) В основе альтернативного расщепления лежат такие психоэмоциональные состояния, как **страх, раздвоение личности, состояние сна-яви, пограничные состояния**; а) **больное/ здоровое** начала, б) **молодость/ старость**;

2) Саморасщепление монолога отражает два исхода/; 1. разрешение конфликта в одном из полюсов; 2. неразрешение конфликта, когда выбора не происходит.

Перейдем к следующему виду расщепления монолога – **полилогизации**. Здесь наблюдается следующее: “саморасщепление”, разрушение однонаправленности представляет собой не альтернативный выбор, не антонимичную оппозицию, а “свободный полет” мыслей на заданную тему. Говорящий раскрывает в случае полилогизации весь спектр возможных реализаций предполагаемого положения дел. При полилогизации монолога можно выделить два типа: 1) отражение мыслительных возможностей человека в построении предполагаемых реализаций (предполагаемых картин мира), “полетов фантазии”; 2) “ступенчатое” отрицание предыдущего предположения, (т.е. когда выражается одно предположение, а за ним следует второе, отвергающее первое).

Рассмотрим эти виды полилогизации.

Первый вариант: “полеты фантазии на заданную тему”, **ненаправленный монолог-полилог**:

а) *Внезапно проснувшись ночью в крошечной темноте от жуткого страха, я спрашиваю себя: не в гробу ли проснулся. Я осторожно носом касаюсь мягкого теплого одеяла. На гроб не похоже. А может, я в полотнице закутан, а доски гроба чуть выше?*

Наверное, так люди начинают сходить с ума. <...> Но может быть, я давно шизофреник, только окружающие меня пока не раскусили? Это вполне допустимо. /В.Суворов. Аквариум/.

б) *Ты да я, да вечер поздний.*

Берег моря, я и ты.

Может, чувств лишились звезды

От боязни высоты.

И упали звезды в море,

Звезды в море не поймать.

Горе это, иль не горе,

Нам с тобою не понять.

Может, с нами шутят звезды,

Может, да, а может, нет.

Может, в этот вечер поздний

Нам опасен звездный свет /М.Дудин. Земля обетованная/.

в) [Несовершеннолетняя Вайо в сомнамбулическом состоянии строит предположения, вернется ли ее возлюбленный лейтенант].

Он что-то упомянул насчет того, чтобы позавтракать вдвоем. Но он не придет, у нее предчувствие, что он не придет... Он, может, поехал прямо к другу. Если он разживется деньгами, то, может быть, еще заглянет к ней, а может быть, и прямо пойдет играть, и она увидит его вновь только под утро, без гроша или с деньгами в кармане. Но все-таки увидит. Да, вдруг подумалось ей, но так ли это несомненно, что она увидит его вновь? /Г.Фаллада. Волк среди волков/.

г) <...> на его темени светлела изрядная лысина. Приказчик, подумал Румата. Ходит по баронам <...>, скупает лен или пеньку. Смелый приказчик, однако... **А может быть**, и не приказчик. **Может быть**, книгочей. **Беглец. Изгой.** Сейчас их много на ночных дорогах, больше чем приказчиков... **А может быть**, шпион /Бр. Стругацкие. Трудно быть богом/.

д) *Меня мучили сомнения. Все было зыбко. Может, мне порвать с другими композиторами? Может, я глупец? Может, я пленник в этом замке? /Т/к. “Культура”, т/п. “Эпоха барокко”: переживания И.С.Баха/.*

е) *Николас остался в квартире один <...> и стал, как велено, шевелить мозгами. Кажется, общий контур событий начинал прорисовываться сквозь туман. Кто-то – назовем его господин Икс – узнал о документе из тайника. Заинтересовался. <...> Дальнейшие намерения Икса очевидны /Б. Акунин. Алтын-толобас/.*

ж) [Поток сознания героя, пытающегося прочесть чужие мысли].

Теперь вот ему нужен живой Буддах. Зачем? Не настолько же Рэба глуп, чтобы надеяться заставить Буддаха работать на себя? А может быть, глуп? А может быть, дон Рэба просто глупый и удачливый интриган, сам толком не знающий, чего он хочет? Бр.Стругацкие. Трудно быть богом/.

з) [Поток сознания героя, отражающий состояние сна-яви, миражности восприятия мира].

Вдруг дерево жизни – таинственный страж.

А может быть, это лишь только мираж?

А может быть, это усталости бред?

И нет Учкудука, спасения нет (Ю. Энтин “Учкудук – три колодца”)

Данные примеры подтверждают мысль о том, что монолог расщепляется не только на “два Я”, то есть диалогизируется, но и распадается на множество Я, он спектрален, полифоничен, или, как гениально заметил А.Вознесенский: <...> Во мне, как в спектре, живут семь Я <...>.

и) *Что день грядущий мне готовит?*

Его мой взор напрасно ловит,

В глубокой мгле таится он.

<...> Паду ли я, стрелой пронзенный,

Иль мимо пролетит она,

Всё благо <...>

Блеснет завтра луч денницы

И заиграет яркий день;

*А я – **быть может**, я гробницы*

Сойду в таинственную сень /А.С. Пушкин. Евгений Онегин/.

Поток сознания Ленского перед дуэлью предлагает разные исходы разрешения ситуации.

к) *Я мнил: **быть может**, жизнь*

Мне принесет незапные дары;

Быть может, посетит меня восторг,

И творческая ночь, и вдохновенье;

Быть может, новый Гайден сотворит

Великое – и наслажуся им... /А.С. Пушкин. Моцарт и Сальери/.

Целый ряд предполагаемых ситуаций предлагает и Сальери, но если Ленский предрек свою гибель, то варианты, возникающие в сознании Сальери, не реализовались.

Направленный монолог-полилог

В данном типе монолога последующая информация отрицает предыдущую.

а) *Одну простую сказку, а может и не сказку,*

А может не простую, хотим вам рассказать.

Ее мы помним с детства, а может и не с детства,

А может и не помним, но будем вспоминать /Эд. Успенский. Простая сказка/.

Как видим, пошагово отрицается достоверность предыдущей информации – результат философского (экзистенциалистского) видения мира говорящим: в мире все есть **сон, мираж, обман**.

б) Если бы мог, покончив с собой, увидеть, какие у них будут физиономии, тогда да, игра стоила бы свеч. Но в земле темно, гробовые доски толстые, саван не прозрачный. Глаза души, да есть, **несомненно**, если есть вообще какая-то душа, да еще при этом **имеет глаза**. Увы, в этом **нет уверенности и никогда не было** /А. Камю. Падение/.

в) **Я думаю, я уверен**, на девяносто пять процентов (не на все девяносто девять, заметьте), что конфликт сойдет на нет /Т/к. ОРТ, т/п. “Время покажет”/.

г) Когда **мерещится** чугунная ограда

И пробегающих трамваев огоньки, <...>

Мне кажется, что нет иного счастья,

Чем помнить Город Юности моей.

Мне кажется... нет, я уверен в этом! /Лев Гумилев. Философские стихи/.

Подведем некоторые итоги:

1. Исследование роли модусной категории персуазивности в отражении процесса расщепления мыслительной деятельности человека приводит к выводу о том, что эта роль весома, если не сказать, сущностна.

2. Персуазивность – важный инструмент в выражении “саморасщепления” монолога, его диалогизации и полилогизации; она подтверждает мысль о том, что мыслительная деятельность человека **спектральна**, что в одном **Я-Эго** существует много “**Я**”. Что лучший собеседник говорящего – он сам: именно ему (себе, своему второму **Я**) он поверяет свои сокровенные тайны, именно с ним он предельно откровенен. И не только диалогизирует, но и “полилогизирует”, рассыпаясь на несколько “**Я**”. Диалоги с самим собой могут носить затяжной характер, причем исход может быть двояким: а) гармонизация точек зрения; б) отсутствие гармонизации, т.е. “вопрос остается открытым”.

3. Персуазивность – основная категория в реализации языковой личностью такого сложного и многогранного явления, как **поток сознания**.

Исследование убеждает в мысли, что анализ функций персуазивности в монологе может стать ключом к ряду тайн этой сверхсложной формы коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Иностранная литература, 1955.
2. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1981.
3. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса. М.: КомКнига, 2007.
4. Василик М.А., Вершинин М.С. и др. Основы теории коммуникации. М.: Гардарики, 2004.
5. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.
6. Литературная энциклопедия. Т. 9. Ред. коллегия: Лебедев-Полянский П. И., Маца И.Л., и др. М.: ОГИЗ РСФСР, Гос. ин-т «Сов. Энцикл.», 1935.
7. Шелякин М.А. Язык и человек. М.: Флинта, 2005.

8. Стилистический энциклопедический словарь. М.: Госиздательство иностранных и национальных словарей, 2003.
9. Шмелева Т.В. Смысл и формальная организация двухкомпонентных инфинитивных предложений в русском языке. М.: МГУ, АКД, 1979.
10. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2003.

ՊԵՐՍՈՒԱԶԻՎ ԿԱՐԳԻ ԴԵՐԸ ՄԵՆԱԽՈՍՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՐԿԽՈՍՈՒԹՅԱՆ ՎԵՐԱԾԵԼՈՒ ԳՈՐԾՈՒՄ

Ս.Պ. ԼԱՄԲԱՐՋՅԱՆ, Հ.Ս. ՏԵՐ-ՍԱՐԳԻՍՈՎԱ

ԵՊՀ

Հոդվածը նվիրված է մենախոսություն/ երկխոսություն հակադրությանը: Ուսումնասիրության գլխավոր նպատակն է՝ հետազոտել պերսուազիվ կարգի (համոզվածության/անորոշության իմաստների) դերը մենախոսությունը երկխոսության վերածելու հարցում: Գլխավոր եզրակացություններից մեկն այն է, որ պերսուազիվ իմաստները հաստատում են լեզվաբանության մեջ պտտվող կարծիքը, որ առկա է միայն մեկ հաղորդակցության ձև՝ երկխոսություն:

Բանալի բառեր. մարդակենտրոնություն, պերսուազիվ կարգ, մենախոսություն, երկխոսություն, գիտակցության հոսք, մտքի պառակտում:

THE ROLE OF PERSUASIVENESS IN THE MONOLOGUE AND DIALOGUE

S.P. LAMBARJYAN, H.C. TER-SARGISOVA

YSU

The article is devoted to the relations between two forms of communication – monologue and dialogue. The authors analyze abilities of the modal category of persuasiveness in the process of dialogisation of monologue.

Key words: antropocentrism, category of persuasiveness, monologue, dialogue, mindflow, splitting of thought.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 3 апреля 2017 г., подписана к печати в номер 1 (110) / 2018 26.12.2017.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

АРМЯНСКИЙ КОНТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ БОРИСА ЧИЧИБАБИНА

Л.Р. ФАРАМАЗЯН
ЕГУ

В статье рассматривается карабахская тема в творчестве Бориса Чичибабина. Если в двух его ранних стихотворениях восхваляется этот край с его городами Степанакертом и Шуши, то в двух стихах позднего периода творчества отражается боль автора за судьбу Карабаха.

Ключевые слова: Армения, Арарат, Карабах, Степанакерт, Шуши, любовь, боль.

Выдающийся русский поэт XX века Борис Алексеевич Чичибабин (1923-1994) известен армянским читателям прежде всего своими четырьмя провидческими стихотворениями – вдохновенными Псалмами, песнопениями, посвященными Армении. В них поэт восторженно воспел «беловенечный» Арарат – символ веры и спасения армян, отметив при этом: «Но сердце-то знает о том, как горька небесам / земная разлука Армении и Арарата». Лирический герой стихотворений постиг истинную ипостась Армении, причастную вечности («Нигде на свете так / Не чувствуется Вечность»), вслед за Мандельштамом увидел в Армении библейскую страну, особо отмеченную Богом («А сбоку Армения – Божья любовь, / В горах сораспаятая с Богом...»), оценил созидательный дух армянского народа (Соседям лихим не в укор, а в урок / воздвигла Матенадаран»), выразил свое восхищение духовной стойкостью, мудростью и всепрощением армян, «в ком сердце рассудка умней» и «чувством вины уничтожено чувство обиды».

Чичибабин впервые побывал в Армении в 1981 году, но за 40 лет до этой поездки, в «сороковые, роковые» он познакомился с другим уголком армянской земли – с Карабахом. Борис Чичибабин в годы Великой Отечественной войны служил в полку, дислоцированном в Карабахе. Молодой тогда поэт посвятил полюбившемуся краю два стихотворения, которые позже вошли в его «Кавказский цикл» (1942-1951). Нужно отметить, что эти стихотворения, хоть и были написаны в военные годы, однако их тематика не связана со злобой дня.

В стихотворении «Вечер в белых звездах был по праву...» дана живописная зарисовка перехода степанакертского вечера в ночь:

Подошел к окну – и обомлел.
 Надвигалась ночь. И лунно-лунно
 В этот вечер было на земле.

Пронизывающее душу пейзажное описание и ощущение умиротворения и спокойствия («Вечер стих, и онемели травы...») настраивают лирического героя стихотворения на медитативный лад, заставляя его философски воспринимать и осмысливать мир, сиюминутное в категориях вечности:

И таким он был тогда хорошим,
 Что мгновеньем стал я дорожить,
 Что казалось, как я много прожил, –
 Так хотелось мучиться и жить...

Лунный пейзаж вдруг повергает лирического героя в состояние, когда стирается грань между явью и нереальностью. Неслучайно у поэта «ночь текла как музыка и бред», «впережку отсветы и тени / воплотясь, бродили по земле». Ощущение зыбкости бытия, заброшенности, одиночества и желание обрести почву под ногами подсознательно устремляют внутренний взор героя в прошлое, в детство, где он был защищен.

Стихотворение «Вечер в белых звездах был по праву...», состоящее из 11 четверостиший, условно можно поделить на две части. Первые шесть катренов представляют собой пейзажную зарисовку, в седьмом четверостишии появляется влюбленная пара, которая привлекает внимание лирического героя и отвлекает его от размышлений. Картина целующихся влюбленных выводит героя из сомнамбулического состояния и возвращает к реальности – с просохшей грязью на плитах улиц, к завернутой сигарке и стертому коробку спичек. Мысли о любви и счастье во время войны, «пир во время чумы», эта извечная антитеза войны и любви, параллельность бытия жизни и смерти, вновь приводят поэта к философским обобщениям о бренности бытия, быстротечности человеческой жизни и тяжелом бремени времени:

Только жаль, что время слишком грузно,
 Что ничем не в силах я помочь.
 Что когда-нибудь им будет грустно
 Вспоминать сегодняшнюю ночь.

Следует отметить, что в этом раннем стихотворении уже намечается одна из особенностей поэтики Бориса Чичибабина – философское осмысление всего происходящего, а также сопряжение бытовых реалий с вечными, бытийными, гамлетовскими вопросами. В прекрасную поэтическую картину природы вкрапливаются бытовые подробности, подчас весьма заземленные и даже грубые («докурил, и потушил, и сплюнул»).

Стихотворение Чичибабина «И вот дарован нам привал...», навеянное, возможно, «Фазтонщиком» Осипа Мандельштама, посвящено Шуши. Поэт описывает трудный подъем на гору, где расположен Шуши – «великолепный город». Впрочем, в стихотворении описан не сам город, а восхождение к нему, думается, из Степанакерта. Эпитет «великолепный» на-

страивает читателя на встречу с чудесным городом, но перед его взором предстает несколько странная картина:

Как солнцем выжженный скелет,
В колеблющемся зное,
Она белеет на скале
Могильной белизною.

Что это? Образ выжженного скелета, «могильная белизна» вызывают аллюзии, в первую очередь, на «Фазтонщик» (1931) Осипа Мандельштама, на все произведение в целом и, в частности, на следующие строки: «Сорок тысяч мертвых окон. Там видны со всех сторон...» [1: 87].

К сожалению, нам не удалось выяснить, знал ли Чичибабин это стихотворение Мандельштама до войны. Другая аллюзия – на отрывок из шестой главы очерка Маризтты Шагинян «Нагорный Карабах» (1926), озаглавленной «Призрак Шуши». Писательница, приехавшая в Шуши спустя пару лет после армянских погромов, была ошеломлена встречей с этим некогда прекрасным городом: «Подъем, в полной тишине и одиночестве, длился около часу, когда внезапно, вступив в прогалину, я увидела остов Шуши. Два холма стояли передо мною, уставленные скелетами домов.» [2: 38].

Далее Чичибабин мысленно ведет диалог с Лермонтовым, некогда посетившим Шуши. И возникает ощущение преемственности поколений русских поэтов, влюбленных в Кавказ:

Здесь в прошлом Лермонтов бывал,
И мы теперь бываем.

В этом стихотворении Чичибабин передает мысль о сопричастности к нетленному и вечному, о связи настоящего с прошлым:

Стоит высокая гора,
Над ней века шумели...

Лирический герой стихотворения вопрошает камни, горы о пребывании тут Лермонтова, желает узнать, какие чувства и мысли обуревали душу одного из самых таинственных русских поэтов XIX века. Поэт прибегает к помощи риторического обращения:

Скажи, скажи мне, камень гор,
Единственному в свете,
Не здесь ли Лермонтова взор
По-доброму стал светел...

Интересно, что Борису Чичибабину было известно о пребывании Михаила Юрьевича Лермонтова в Шуши. Думается, ему рассказали об этом местные жители. Лермонтов в 1837 году был сослан в свою первую ссылку на Кавказ за «непозволительные стихи», написанные на смерть горячо любимого им Пушкина. Поэт был направлен в Нижегородский драгунский полк и на пути в полк, действительно, побывал в Шуши, о чем сам написал в конце 1837 года в письме своему другу Святославу Раевскому. Подлинник этого письма, как и многие другие рукописи Лермонтова, хранился у троюродного брата поэта, армянина по происхождению, Акима Петровича

Шан-Гирея. Интересно, что Шан-Гирей в 1870 году стал уездным начальником Шуши, а по его проекту в 1871 году начала строиться дорога-серпантин от Шуши до современного Степанакерта, столицы НКР. Но в стихотворении присутствует и другой мотив – обращение к трагическому прошлому Шуши, кровавой резне армян города, учиненной в 20-ые годы XX века варварами-турками и азербайджанцами:

А на заре иных времен
Кровавым страшным летом
Здесь турки резали армян
По вражеским наветам.

Теперь уже читателю понятно, почему в описании города выше присутствует «аура» смерти.

Когда же началось Карабахское движение, а затем и Карабахская война, Чичибабин, сказавший о миссии поэта: «Всяк день казним Иисус. / И брат ему – поэт...», сильно переживал и откликнулся на трагедийные коллизии своего времени двумя замечательными стихотворениями: «О, злые скрижали...» и «Дума о Карабахе». В июне 1991 года в газете «Голос Армении» была опубликована «Дума о Карабахе», а стихотворение «О, злые скрижали...» позже вошло в книгу Чичибабина «Кончусь, останусь жив ли...» (2002).

Когда разразилась Карабахская война, Чичибабин воспринял ее как очередную трагическую страницу армянской истории, истории со «злыми скрижалями»:

Всегда обижали
и вновь обижают армян...

(«О, злые скрижали...»)

Для творчества Бориса Чичибабина характерно многообразие жанров лирики. Ода, послание, стансы, элегия, псалом, эпиграмма, сонет, плач, баллада – вот неполный их перечень. Обилие жанров в лирике Чичибабина говорит, как о его высоком профессиональном мастерстве, так и о причастности к предшествующей русской и мировой литературе. И если свое восхищение перед библейской страной он выразил в псалмах, восходящих как жанр к религиозным песнопениям, созданным царем Давидом, то свою боль и переживания о судьбе Карабаха отразил в «Думе о Карабахе». Дума является лирико-эпическим жанром украинского словесно-музыкального народного творчества XVI-XVII веков. В русской литературе к этому жанру любили обращаться писатели-декабристы, особенно К.Ф. Рылеев. Назвав свое стихотворение думой, Чичибабин отсылает к контексту жанра политической поэзии и желает подчеркнуть важность исторического момента. Вот почему стих начинается с упрека в адрес власть предержащих:

Апшеронская нефть оплатила безвинные смерти,
В президентских ушах не гремит сумгаитский погром...

Та же мысль звучит и в стихотворении «О, злые скрижали...» - мысль о бездарности и безнравственности людей из властных структур. Более того, поэт бичует их за безразличие и бездействие:

Безглавые власти
на смерть обрекли Карабах.

В «Думе о Карабахе» поэт рассказывает о своей службе «в приснопамятном сорок втором» в Степанакерте, где он «армянские слышал слова», «дремал под армянских шелковиц листвою», «на армянские выси» взбегал:

Я там жил наяву, - как же мне согласиться с Москвою,
Что земля эта – Азербайджан.

Чичибабин со свойственным ему чувством вины за грехи правителей, политиков, народа и родины («на мне одном сто тысяч вин») заявляет:

Пусть Армении стон отдается в сердцах, как укор нам,
Как Христу на кресте, больно кронам ее и корням:
В закавказской дали, в том краю, в Карабахе Нагорном
Каждый день убивают армян.

Чувство любви, являющееся для Чичибабина основополагающим в жизни и творчестве, в данном случае – любовь к армянам, заставляет искать выход из патовой ситуации, когда власти ничего не предпринимают. В обоих стихотворениях поэт апеллирует то к России («Спаси их, Россия, / и благом искупишь грехи.»), то к «каждой русской душе», потому что «все мы предали наших родных, / не по крови родных, а по духу, по вере, / по сути, по глубинному свету евангельских добрых надежд». И проблему Карабаха Чичибабин призывает решить с позиции справедливости и гуманности, руководствуясь нравственными принципами ответственности за все происходящее вокруг. Но не были услышаны слова мудрого Бориса Чичибабина...

В том же 1991 году поэт создает очерк «В сердце моем болит Армения», который можно воспринимать как духовное завещание Бориса Алексеевича Чичибабина. Завершается эссе словами сопереживания: «Душа моя болит за Армению и за ее народ, в сердце моем болит Армения, земля-трагедия, земля-мученица, пережившая недавнее землетрясение и кровавые бакинские погромы, отлученная дьявольской волей не только от священного Арарата, но и от родного Карабаха. Всей моей болью, печалью, любовью, душой – я с вами, мои армянские сестры и братья, с тобой, Армения. Во всех трудах, испытаниях, странствиях, бедах мы вместе, – да поможет нам Бог, и да будет воля Его, а не наша!» [3: 458].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мандельштам О. Э.* Стихотворения, проза, записные книжки. Ер.: "Хорурдаин грех", 1989. – 384 с.
2. *Шагинян М.С.* Нагорный Карабах. (Путевые очерки). М.-Л.: Государственное издательство, 1927.
3. *Чичибабин Б.А.* В стихах и прозе. 3-е изд., испр. Харьков: "Фолио", 2002. – 463 с.

ՂԱՐԱԲԱՂՅԱՆ ԹԵՄԱՆ ԲՈՐԻՍ ՉԻՉԻԲԱԲԻՆԻ ՍՏԵՂՍԱԳՈՐԾՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՄԵՋ
Լ.Ռ. ԲԱՐԱՄԱԶՅԱՆ

ԵՊԷ

Հոդվածում դիտարկվում է Ղարաբաղյան թեման Բորիս Չիչիբաբինի ստեղծագործությունների մեջ: Եթե նրա վաղ շրջանի երկու բանաստեղծություններում գովաբանվում է այդ երկրամասը իր Ստեփանակերտ և Շուշի քաղաքներով, ապա ուշ ժամանակաշրջանում գրված երկու բանաստեղծություններում արտացոլվում է հեղինակի ցավը Ղարաբաղի ճակատագրի նկատմամբ:

Բանալի բառեր՝ Հայաստան, Արարատ, Ղարաբաղ, Ստեփանակերտ, Շուշի, սեր, ցավ:

THE TOPIC OF KARABAKH IN BORIS CHICHIBABIN' S WORKS

L.R. FARAMAZYAN

YSU

The Karabakh's topic in Boris Chichibabin's works is considered in the current article. If this part of the Earth along with it's two towns Stepanakert and Shushi is being praised in two of his earlier poems, then there is reflection of pain for the people of Karabakh depicted in his late ones.

Key words: Armenia, Ararat, Karabakh, Stepanakert, Shushi, love, pain.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 28 февраля 2017 г., подписана к печати в номер 1 (110) / 2018 26.12.2017.

ЛИНГВОПОЭТИКА

НЕГРАММАТИЧЕСКАЯ АКЦЕНТУАЦИЯ У ВЫСОЦКОГО: ДИАЛОГИЗИРУЮЩАЯ, СУБЪЕКТНАЯ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ

В.А. ГАВРИКОВ

**Брянский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации**

Высоцкий в своих песнях часто использует неграмматические ударения. Как правило, они являются знаком ролевой лирики: поэт говорит «голосом» своего героя: крестьянина, рабочего, моряка и т.д. В большинстве случаев просторечное или разговорное ударение используется для создания комического эффекта.

Ключевые слова: Владимир Высоцкий, песенная поэзия, словесное ударение, акцентология, диалог, лирический субъект, профессиональная лексика.

С точки зрения издательской практики существует два типа неграмматической акцентуации в песенной поэзии: первая восстанавливается за счет стихового метроритма, а вторая может быть обнаружена только с помощью фонограммы. У Высоцкого есть и то, и другое, что – помимо множества иных фактов – свидетельствует о необходимости обращаться к аудиозаписям при изучении его наследия. Конечно, поэт всё-таки создавал в большинстве своем силлабо-тонические произведения, поэтому неграмматическая акцентология, как правило, заметна и в печатном тексте. Весь массив примеров в настоящей статье мы классифицируем не на основе выявляемости, а с позиции причин возникновения интересного нам явления.

Начнем с **диалогизирующей неграмматической акцентуации**. Диалогизация определяется как использование в монологической речи элементов диалога. В какой-то мере этот термин сопрягается с несобственно-прямой речью: в высказывание повествователя вклинивается «чужой голос». Например, в произведении, посвященном умершему В. Шукшину, Высоцкий использует непривычную акцентуацию в слове «живым»:

Коль так, Макарыч, – не спеши,
Спусти колки, ослабь зажимы,
Пересними, перепиши,
Переиграй, – останься живым. («Еще – ни холодов, ни льдин...»)

Вероятнее всего, апеллирует эта странно «озвученная» лексема к народной мудрости: «Не до жиру, быть бы живу». Так через неграмматическую акцентуацию в текст «вклинивается» голос писателя и режис-

сера, даже не его самого, а людской стихии, того мира героев из народа, которые часто встречаются и в рассказах, и в кинолентах Шукшина.

В статье 1983 года С.И. Кормилов так комментирует этот фрагмент: «"Переиграй, останься живым!" – вряд ли оправданный перенос ударения, хотя это, безусловно, не просто ошибка, а поэтико-грамматический неологизм, правильная конструкция *останься живым* была бы вообще неуместна, нехудожественна» [4: 172].

Еще пример:

Там за стеной, за стеночкою,
За перегородочкой
Соседушка с соседушкой
Ба́ловались водочкой. («Час зачатъя я помню неточно...»)

В «Балладе о детстве» есть и прямые высказывания героев, например, Евдоким-Кирилыча и Гиси Моисеевны, да и реплики других людей. В этой связи диалогизирующие элементы в авторской речи не выглядят инородными. Во-первых, поэт насыщает свой текст многоголосием, стихией уличной речи, в которой «неправильности» работают на общий худо-жественный колорит, а во-вторых, он словно боялся «слишком правильных» ударений (об этом я скажу далее).

Примечательно в этом примере и то, что «с бумаги» правильно (то есть – в авторской интенции) поставить ударение будет невозможно: метроритм дает возможность двоякого иктового прочтения микроконтекста.

Иногда такое акцентологическое «цитирование» героев может быть связано и с иноязычным кодом. В песне «Случай на таможне» перед нами проходит целая вереница иностранцев, логично, что они, плохо зная русский, могут что-то напутать:

Ох, как он сетовал:
Где закон – нету, мол!
Я могу, мол, опоздать на рейс!..
Но Христа распятого
В половине пятого
Не пустили в Буэнос-Айрес. («Над Шереметьево...»)

Перед нами уникальный случай: в названии столицы Аргентины (по сути – в одном слове) Высоцкий делает две акцентологические «ошибки»! Правильно было бы поставить ударение так: «Буэнос-А́йрес», у Высоцкого: «Бу́энос-Айрэс». Поэт, таким образом, вводит в текст «акцентуационную экзотику», которая связана с иностранной речью. Вероятно, та же причина возникновения неграмматического ударения и в слове «триптих»:

Общупали заморского барыгу,
Который подозрительно притих, –
И сразу же нашли в кармане фигу,
А в фигуре – вместо косточки – триптих. (Там же)

В «Песне попугая» происходит нечто похожее: попадая в иноязычную среду, пернатый «говорит с акцентом»:

Турецкий паша нож сломал пополам,
Когда я сказал ему: «Пáша! Салам!» («Послушайте все...»)

Нельзя не заметить здесь и языковую игру: слово «Паша» явно соотносится с именем Павел – перед нами общепринятое изменение, и столкновение слов «Паша» и «паша» создает комический эффект.

Да и вообще иноязычная лексика часто используется Высоцким для создания художественного образа на основе неграмматической акцентовки. Причем чаще всего поэт связывает такие слова рифмами:

Больно бьют по нашим душам
«Голоса» за тыщи миль, –
Зря «Америку» не глушим,
Зря не давим «Израиль»:
Всей своей враждебной сутью
Подрывают и вредят –
Кормят, поят нас бермутью
Про таинственный квадрат! («Дорогая передача...»)

А кого ни попада
Пускают в Израиль! («Мишка Шифман башковит...»)

Слово «Израиль» несколько раз появляется в песнях и стихах Высоцкого, и только однажды (если я не ошибаюсь) поэтом было использовано узальное ударение. К слову, все эти «израильские» тексты – смеховые, часто написанные от лица рассказчика (то есть субъекта ролевой лирики), поэтому не удивительно, что «антуражные» герои Высоцкого и выражаются «антуражно».

Они же «всё путают: и имя, и названья», то есть в собственных именах употребляют неграмматические акцентуационные варианты:

Народ мне простит, но спрошу я невольно:
Куда отнести мне Абрама Линкольна?
(«Зачем мне считаться шпаной и бандитом...»)

Перед нами недалекий антисемит, который и не знает даже, кто такие семиты. Обратим внимание, что в другом месте, где появляется слово «Линкольн» (правда, в значении – машина), Высоцкий ставит более привычное академическому слушателю ударение:

И громоздкие, как танки,
«Форды», «линкольны», «селены»... («Без запретов и следов...»)

Причина понятна: автомобильная песня не предполагала «особого рассказчика», поэтому и ударение здесь более традиционное.

Насер – еще одна проблемная фамилия, и снова она «высказывается» ролевым героем (о чем, кстати, и сам Высоцкий говорил в межпесенных комментариях):

Потеряю истинную веру –
Больно мне за наш СССР:
Отберите орден у Насера –
Не подходит к ордену Насер! («Потеряю истинную веру...»)

Смеховым ходом является не только неверное ударение, но и смягчение звука «с» – сразу возникают фонетические ассоциации со всем известным «нехорошим словом».

Правда, иногда той же «просторечной» обработке подвергаются и фамилии славянского происхождения:

Но не даром клуб «Фиорентины»
Предлагал мильон за Бышевца. («Комментатор из своей кабины...»)

Правильно – БЫшевца.

В некоторых случаях используется иное смешение стилевых планов – реплики героев автономизированы, а не вплавлены в речь автора-повествователя. Например, во второй части дилогии «Очи черные» описывается, по собственному замечанию Высоцкого, «чужой дом». Здесь всё неправильно: и образа висят косо; и дом кажется не жилищем, а кабаком; и песня здесь не песня, а стон; и пол покат, хотя должен быть прям... В этом «перевернутом» мире и один из его насельников проявляет свою «неправильность» – путая ударения, он говорит: «щáвеле» вместо положенного «щавелé», «дрáлись» вместо «дралíсь». Перед нами и деформация мира, и деформация сознания, и деформация языка.

Второй тип, который, конечно, четко нельзя оторвать от первого, можно назвать **субъектообразующей неграмматической акцентуацией**. Она отличается от предыдущего типа тем, что здесь нет как такового автора-повествователя, то есть «голоса», нейтрально излагающего происходящее. Перед нами – рассказ (а точнее – сказ) от лица героя, то есть, согласно классическому литературоведческому понятийному аппарату, в таком тексте звучит голос рассказчика, подобного лесковскому Левше. Таких примеров у Высоцкого масса:

К нам можно даже с семьями, с друзьями и знакомыми –
Мы славно тут разместимся... («Товарищи ученые, доценты с кандидатами...»)

Работники полей, зазывающие «товарищей ученых» на сельхозработы, конечно, и выражаются как люди из глубинки: «размéстимся». Еще несколько примеров:

С тех пор ни дня без стаканá... («Куда ни втисну душу я, куда себя ни дену...»)

Запрудили мы реку... («Эй, народ честной, незадачливый...»)

Я не привыкла без чувства –

Не соглашуся ни в жисть!

Мало что ты – для искусства, –

Сперва давай-ка женись! («Может быть, выпив поллитру...»)

Во первых строках письма шлю тебе привет...

(«Здравствуй, Коля, милый мой, друг мой ненаглядный...»)

Нам каждый день насущный мил и дорог, –

Но если даже вспомнить старину,

То это ж вы изобретали порох

И строили Китайскую стену. («В Пекине очень мрачная погода...»).

В этих примерах везде присутствует лично маркированный рассказчик: «пьянчуга», ярмарочный скоморох, «недалекая особа», пытающаяся «охомутать» интеллигента. В четвертой цитате – переписка двух колхозников, в пятой изъясняется пролетариат (песня еще называется «Письмо рабочих тамбовского завода китайским руководителям»). Обратим внимание и на обилие лексических просторечий, которые вместе с акцентологическими составляют стройную субъектную систему.

Выше речь шла о словах, скажем так, родного языка. Ниже – примеры акцентологической переработки иноязычных слов:

Не бойсь, – говорю, – не доллары! («Я – самый непьющий из всех мужиков...»)

Вот некрóлог, словно отговорка,

Объяснил смертельный мой исход... («Вот некролог, словно отговорка...»)

Оба текста написаны от лица простых людей: непьющего мужика и представителя «экстремальной профессии» Снежина – одного из персонажей пьесы А. Штейна «Последний парад». Им ли знать тонкости произношения иноязычной лексики?

В «Песне о сумасшедшем доме» также присутствует рассказчик из народа, который путает ударения как в словах славянского происхождения, так и в имеющих иноязычную этимологию. Начнем с первого:

Сказал себе я: брось писать, –

Но руки сами просятся.

Ох, мама моя рóдная, друзья любимые!

Сочетание «мама моя рóдная» с неграмматическим ударением, по мысли М.А. Перепёлкина, является не обращением к конкретному лицу (матери), а лишь своеобразным «междометием»: «Просторечное ударение на первом слоге в слове "родная" и порядок слов в выражении "мама родная" (существительное + прилагательное) делают это выражение риторическим, превращают его в словесный оборот, в котором оно перестает означать конкрет-

ный адресат речи. В пользу второго варианта свидетельствует композиционное решение: обращение в начале текста структурно сближает этот текст с письмом. Кроме того, вторая часть строки – "друзья любимые", конкретизирующая обращение, так сказать, разворачивает его лицом к живым людям» [5: 84].

В этом же тексте есть и другой интересный нам пример: «Забыл алфавит». М.А. Перепёлкин поясняет, что «сумасшествие субъекта речи становится вовсе несомненным и проявляется прежде всего в грамматике» [Там же: С. 87] и, дополним, в акцентуации.

В некоторых случаях смещение узуального ударения приводит и к замене литер, то есть перед нами еще и словоизменительные подвижки:

Потом – в скверу́, где детские грибочки... («Считай по-нашему, мы выпили не много...»).

На мои похоро́на́

Съехались вампиры... («Сон мне снится – вот те на...»)

Всех на ро́ги намотаю... («В заповеднике (вот в каком – забыл)...»)

Отдельно выделю несколько субъектообразующих примеров, где найти «неправильность» без фонограммы нельзя:

Не писать мне по́вестей, романов...

Жалко, по́вестей я не пишу... («Не писать мне повестей, романов...»)

Герой этой песни лежит в палате наркоманов – он тоже, судя по речи, «из простых». Поэт мог вполне употребить здесь и традиционное ударение, но он захотел в речевом плане маркировать своего героя, чтобы с первой же строки слушатель понял, что перед ним – рассказчик, а не повествователь. Возможно, Высоцкий старается «отмежеваться» от событийной канвы – чтобы слушатели не подумали, будто звучит «биографическая зарисовка». Есть и еще момент: текст песни не содержит в себе лексического просторечия, только сленг наркоманов. А значит, существовал риск принять данную композицию «за чистую монету». Поэтому сразу же, с первой строки, Высоцкий задает субъектные границы текста, делая это только за счет ударения! Подчеркнем, что на бумаге – без специальных знаков –неграмматическая акцентуация не видна. То же встречаем в «Песне космических негодяев», правда, здесь специфическая («антуражная») лексика присутствует:

Но от Земли до Беты – восемь дён,

Ну а до планеты Эпсилон... («Вы мне не поверите и просто не поймете...»)

Правильно: «Э́псилон», в печатном виде авторское ударение можно не увидеть, так как Высоцкий нередко связывает рифмой слова с мужской и дактилической клаузулой (например, «напада́л» – «За́пада»):

Он писал – такая стерва! –

Что в Париже я на мэра
 С кулаками нападаю,
 Что я к женщинам несдержан
 И влияниям подвержен
 Будто Запада... («Перед выездом в загранку...»)

Мы уже говорили, что в некоторых песнях Высоцкий использует ударение, более привычное обыденному сознанию. Бывает, что в слове допустима двоякая акцентировка, за редкими исключениями поэт использует более привычное «среднему слушателю» ударение. Например, слово «комбайнер» очень редко произносят именно так, а используют вариант «комбайнёр». Разумеется, пишущая письмо в журнал «Юность» Аня Чепурная («Здравствуй, Юность, это я...») скажет именно «по-народному» – с ударением на последний слог.

Другой пример:

Я пел и думал: вот икра стоит,
 А говорят – кеты не стало в реках... («Мне в ресторане вечером вчера...»)

Некоторые словари дают вариант «кетá» как разговорный. Разговорный же вариант выбран Высоцким в песне «У нас вчера с позавчера...»: «Неудачная игра – одолели шулера...». Более академический эквивалент – «шулеры».

Наконец, третий пласт неграмматических ударений составляют **акцентуационные профессионализмы**. Их наличие в тексте Высоцкого четко отрефлексируется самим автором в песне «Шторм»:

Мы говорим не «штормы», а «шторма» –
 Слова выходят коротки и смачны:
 «Ветра» – не «ветры» – сводят нас с ума,
 Из палуб выкорчевывая мачты.

Мы на приметы наложили вето –
 Мы чтим чутье компасов и носов.

Упругие тугие мышцы ветра

Натягивают кожу парусов. («Мы говорим не "штормы", а "шторма"...»)

Во втором четверостишии примечательно слово «компáсы», которое – в таком звучании – также относится к профессиональному языку моряков. Та же акцентуация встречается в произведении «В младенчестве нас матери пугали...», фразу «Мы север свой отыщем без компáса» А.В. Скобелев комментирует так: «Использованное В. Высоцким ударение в слове "компас" на второй слог соответствует нормам профессионального жаргона моряков» [6: 203-204].

Другой пример:

Угар победы, пламя не угробь,
И ритма не глуши, копытный дробот!
Излишки нефти стравливали в Обь,
Пока не проложили нефтепровод. («В нас вера есть и не в одних
богов...»)

Контекст здесь насыщен специальными словами – «стравливали», «нефтепрóвод», сюда же можно отнести редко используемую лексику «дробот» (правда, можно сомневаться, насколько она связана с профессиональным сленгом геологов или нефтяников). В любом случае повествователь как бы говорит на языке героев своего текста, а здесь приятно называть «нефтепрóвод» именно «нефтепрóводом».

Песня «Чужая колея» хотя и представляет собой абстрактно-философское произведение, однако оно как бы «упаковано» в профессиональную речь человека, связанного с автотранспортом. Об этом говорят такие специальные слова, как «стартёр», «кювет», да и вообще весь контекст. С позиции профессиональной лексики произносится и слово «клапаны»:

Он в споре сжег запас до дна
тепла души –
И полетели клапана
и вкладыши. («Сам виноват – и слезы лью...»)

Не следует, однако, думать, что тремя причинами возникновения неграмматических акцентуаций у Высоцкого всё и ограничивается. Поэт несомненно использует и другие мотивировки, о которых здесь не сказано или сказано вскользь. «Передвинуть» ударение может, например, звукопись, то есть желание поиграть со словом, «ассонировать» контекст:

И вот замечаю: не хочется чаю,
А в крайнем случае – желаю коньяк... («Приехал в Монако какой-то
войка...»)

Рассматривая акцентологические «неправильности», хотелось бы также защитить Высоцкого от нападок. Периодически встречаются высказывания, что поэт, мол, «не знает» литературного языка, пишет на сленге, наносит ущерб «литературности» и прочее. Так вот, на мой взгляд, просторечия Высоцкого в целом и неграмматическая акцентуация в частности используются всегда к месту. Упрекать Высоцкого в «неправильной речи» так же абсурдно, как упрекать Лескова за «Левшу», Шмелева за его «Человека из ресторана» или Платонова за то, что он пишет «как Платонов».

В связи с этим отмечу только один пример, как раз связанный с рассматриваемым здесь явлением. Один из исследователей необоснованно называет формы, используемые Высоцким в «Райских яблоках», «неправильными». Цитирую: «В стихотворении имеются также слова с непра-

вильным ударением и окончанием (*покра́снее, просят овсу, отдал, употреблён и старый, редко встречающийся предлог – по-над*)» [1: 224].

Начнем с акцентологии. Ударение в слове «покра́снее» ставится именно там, где его ставил Высоцкий. Это закреплено в любом словаре.

Что касается слова «отдал», то поэт использует более нейтральный, не разговорный эквивалент. Некоторые словари считают «о́тдал» и «отда́л» равноправными, но, например, в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова вариант «отда́л» отмечен как разговорный. Вопрос еще – где автор цитаты увидел в «Райских яблоках» слово «отдал» (в раннем варианте этой лексемы тоже, вроде, нет...)? Но Высоцкий действительно почти всегда использует в рассматриваемом слове ударение на первый слог. Разве что в игривой «Детской поэме», наверно, единственный раз употреблен разговорный вариант.

Что же касается «неправильного» сочетания «просят овсу», – насколько мне известно, здесь используется второй родительный падеж (иначе – количественно-родительный, отделительный, партитивный, количественно-отделительный). В словарях варианты, подобные «просят овса» и «просят овсу», даны как равноправные. Однако на лингвистических форумах в Интернете я вычитал, что партитивный всё же имеет разговорные коннотации. В любом случае этот вариант никак нельзя назвать «неправильным».

Итак, в своих серьезных, трагических, не юмористических произведениях Высоцкий практически не использует неграмматическую акцентуацию (если только перед нами не профессиональная речь). Но даже если бы и были обнаружены «криминальные неправильности» у Высоцкого, то это нисколько не снижает его значения для русской словесности. В этой связи мне близки слова С.И. Кормилова: «Я и сейчас убежден, что даже у Пушкина специалист должен уметь находить более сильные и более слабые места, что чисто апологетический подход к какому бы то ни было художнику – не вполне профессиональный, хотя и господствующий. В лучших "поздних" стихотворениях Есенина стилистических ошибок – тьма тьмуцающая вплоть до курьезных... <...> Много стилистических (грамматических и лексических) ошибок у Лермонтова, отнюдь не только в ученический период» [3: 166].

Если уж придирается к Высоцкому, то, на мой взгляд, стилистическое чутье отказало ему в начале песни «Знаки зодиака» («Неправда, над нами не бездна, не мрак...»). Вряд ли в такой отчетливо не юмористической композиции следовало использовать просторечие «ката́лог». Оно мне кажется здесь своеобразной «фальшивой ноткой». Хотя есть и другое мнение – неграмматическое ударение апеллирует к профессиональной речи моряков (следящих за созвездьями во время плавания?): «Просторечное ударение в слове "каталог" уже не воспринимается как ритмическая оговорка, но входит в ряд жаргонных словоформ "шторма" и "ветра", выступающих как знаки посвященности морю, выделяющие "нас" среди остальных – людей суши, с их земными "делами" и "заботами"» [7: 243].

В принципе «Знаки зодиака» содержат ряд непривычных ударений, может быть, перед нами некая внутритекстовая смысловая система (?): «Там трассы судёб», «глядит на Оvéна в апреле». Правда, оба примера скорее читаются как архаические. Высоцкий иногда специально использовал такие ударения для придания особого колорита: «Про рядового, что на дзот валитсья» («Я бодрствую, но вещей сон мне снится...»). Нельзя согласиться с А.В. Житеневой, которая считает, что слово «валитсья» с непривычным ударением есть просторечие [2: 153]. Вероятнее всего, здесь апелляция к форме XIX века, наверно, к хрестоматийному пушкинскому: «Снег валитсья на поля, // Вся белешенька земля».

В любом случае, прорабатывая тему, я нашел лишь один случай (слово «каталог»), когда использование неграмматического ударения мне показалось не вполне удачным. Во всех других текстах оно жестко мотивировано художественным контекстом.

Подводя итоги, следует отметить, что Высоцкий нередко использует неграмматическую акцентуацию и делает это в первую очередь для субъектных подвижек, то есть для включения в повествовательно нейтральный текст «гóлоса», принадлежащего ролевому герою, или для актуализации рассказчика, от лица которого ведется речь. Эта стратегия обогащается целым рядом нюансов. Например, неправильное ударение может быть обусловлено свойствами художественного пространства, также «неправильного». Иногда неграмматическая акцентовка связана с «профессиональным дискурсом» или иноязычием. Однако мне почти не удалось найти примеров использования Высоцким неграмматических ударений в серьезных, трагических произведениях. Быть может, я что-то и упустил, но общая статистика показывает, что речевые «неправильности», в том числе и акцентуационные, возникают в юмористических песнях, чаще всего сказового характера. Высоцкий в очередной раз предстает перед нами знатоком родного слова, чувствующим стилистическую меру и знающим, где можно, а где нельзя употребить разговорную или просторечную форму.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грачёв М.А.* Некоторые лингво-литературные особенности философско-религиозной лирики В. Высоцкого // Мир Высоцкого: Исследования и материалы: сб. ст. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2001. Вып. 5. С. 221-225.
2. *Житенева А.В.* Лексический состав поэтического наследия Высоцкого // Мир Высоцкого: исследования и материалы: сб. ст. М., 1998. Вып. II. С. 148-164.
3. *Кормилов С.И.* История первой филологической статьи о Высоцком // Мир Высоцкого: исследования и материалы: сб. ст. М., 1998. Вып. II. С. 165-193.
4. *Кормилов С.И.* Песни Владимира Высоцкого о войне, дружбе и любви // Русская речь. 1983. №3. Цит. по: Кормилов С.И. История первой филологической статьи о Высоцком // Мир Высоцкого: исследования и материалы: сб. ст. М., 1998. Вып. II. С. 165-193.
5. *Перепёлкин М.А.* «Я не то что схожу с ума», но «чувствую – уже хожу по лезвию ножа»: «синдром сумасшествия» в творчестве Высоцкого и И. Бродского //

Творчество Владимира Высоцкого в контексте художественной культуры XX века: сб. ст. Самара: Самарск. Дом печати, 2001. С. 81-94.

6. *Скобелев А.В.* Из материалов к комментированию произведений В.С. Высоцкого // Владимир Высоцкий: исследования и материалы 2015-2016 гг.: сб. науч. тр. Воронеж: ООО ИМЦ «Планета», 2016. С. 182-212.
7. *Скобелев А.В., Шаулов С.М.* Наш Высоцкий: Работы разных лет. Уфа: Издательство «ARC», 2012.

**ՎԻՍՈՑԿՈՒ ՍՏԵՂՍԱԳՈՐԾՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՈՉ ՔԵՐԱԿԱՆԱԿԱՆ
ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ՝ ԵՐԿԽՈՍԱԿԱՆ, ՍՈՒԲՅԵԿՏԻՎ
ՄԱՍՆԱԳԻՏԱԿԱՆ
Վ.Ա. ԳԱՎՐԻԿՈՎ**

ՌԴ նախագահին արընթեր Ռուսաստանի ժողովրդական տնտեսության և պետական կառավարման ակադեմիայի Բրյանսկի մասնաճյուղ

Վիսոցկին իր երկերում հաճախ օգտագործում է ոչ քերականական շեշտադրումներ: Որպես կանոն, դա խոսում է բանաստեղծի դերային քնարերգական բնավորության մասին, նա խոսում է իր հերոսի՝ գյուղացու, բանվորի, նավաստու և այլն «ձայնով»: Շատ դեպքերում խոսակցական կամ ոչ գրական (հասարակաբան) շեշտադրման օգտագործումը միտումնավոր կատակերգական ազդեցություն ստեղծելու համար է:

***Բանայի բառեր.** Վլադիմիր Վիսոցկի, երգի քնարերգություն, շեշտադրում, քնարերգական հերոս, մասնագիտական բառապաշար:*

**NON-GRAMMATICAL STRESSES IN THE SONGS OF VYSOTSKY:
DIALOGIC, SUBJECTIVE, PROFESSIONAL
V.A. GAVRIKOV**

**Bryansk branch of The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation**

Vysotsky in his songs often uses non-grammatical stresses. As a rule, the poet speaks in the voice of his character, who may be a peasant, a worker, a sailor, etc. Most often, a colloquial stress is used to create a comic effect.

***Key words:** Vladimir Vysotsky, song poetry, verbal stresses, accentology, dialogue, lyrical subject, professional vocabulary.*

***Информация о статье:** статья поступила в редакцию 28 октября 2017 г., подписана к печати в номер 1 (110) / 2018 26.12.2017.*

МЕТОДИКА

О ГРАФИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР

А.В. АКОПЯН
ЕГУ

С методологической точки зрения особый интерес представляет геометрическое изображение и описание структурных связей определенных простых и сложных языковых конструкций в виде графических схем, которые возможно использовать на разных стадиях лингвистических исследований. В статье приведены графические схемы, описывающие структуру союзных двучленных сложных предложений и их составляющих единиц, а также соотношений синтаксических форм в бессоюзных соединениях предложений.

Ключевые слова: языковая структура, сложное предложение, графическое представление, схема.

Современная лингвистика все больше и больше внимания стала уделять внутрисистемным отношениям и связям в самом языке, для выявления которых необходимым промежуточным этапом являются описание, анализ и синтез формально-содержательных взаимосвязей и свойств различных конструкций и единиц языка. Традиционные и актуальные вопросы языкознания углубляются, расширяются и обогащаются применяемыми в других научных дисциплинах идеями, возможностями и методами, которые становятся новыми инструментами самой лингвистики и делают ее более точной. В результате такого взаимодействия в языкознании "задерживаются" и "приживаются" те методы исследований, применение которых может являться наиболее рациональным и целесообразным. Самостоятельность лингвистики как целостной науки является основанием для извлечения из достаточно широкого круга пограничных с ней наук необходимых элементов и прагматических простых и сложных моделей. В рамках лингвистики, которой присущи четкость рассуждений и системная организация мысли, новые определения и понятия, заимствованные из других наук, приобретают свои определенные специфические черты. "Науку часто сравнивают с кораблем, который время от времени перестраивается сверху донизу, оставаясь все время на плаву" [3: 280]. Интенсивное нарастание и накапливание языковых фактов увеличивает беспорядок и путаницу в вопросах их изучения, и разработка новых научно-исследовательских подходов открывает дополнительные возможности преодоления возникающих при этом определенных трудностей. Язык, являясь орудием общения, имеет свое устройство, обладает определенной структурой и образует единство различного рода элементов [5: 16].

Наглядные методы наряду со словесными и практическими повышают эффективность и оптимизацию процесса обучения. Они способствуют развитию абстрактного наглядно-образного типа мышления, позволяют быстро передавать большую по объему информацию, ставить перед учащимися задачи, указывать пути их решения. Для систематического и глубокого усвоения теоретических знаний, формирования практических умений и навыков, укрепления связи теории с практикой наибольшей эффективностью могут обладать такие средства образного представления, как графики, схемы и таблицы, предполагающие не просто зрительное предъявление материала, но и определенную группировку, систематизацию.

С методологической точки зрения особый интерес представляет геометрическое изображение и описание структурных связей определенных простых и сложных языковых конструкций в виде графических схем, которые возможно использовать на разных стадиях лингвистических исследований. Системный анализ внутренних и внешних связей языковых конструкций возможно описать и продемонстрировать посредством образного формально-содержательного анализа составляющих единиц. При применении таких наглядных методов в языкознании объектами, образами могут выступать слова, словосочетания, простые и сложные предложения или другие языковые единицы, удовлетворяющие определенным формальным или содержательным свойствам.

Явными формально-содержательными связующими элементами, в частности, между частями двучленных сложносочиненных и сложноподчиненных предложений русского языка являются союзы, союзные сочетания и корреляты. В отличие от сочинительных союзов (напр. *и, а, но, да, или, либо*), подчинительные условные союзы и союзные сочетания имеют более сложную структуру, которую можно представить схематически. К примеру, на рис.1 представлена схема, генерирующая девять возможных союзов и союзных сочетаний дифференцированных значений, при помощи которых строятся условные сложноподчиненные предложения индикативного типа.

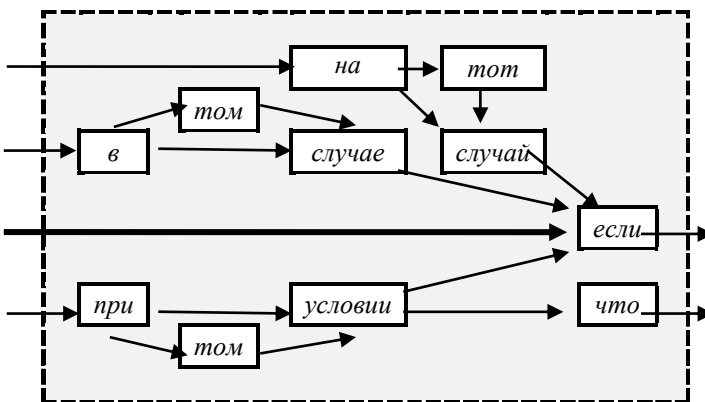

Рис. 1

Такое схематическое изображение зрительно подчеркивает соотношение и зависимость каждой части союзного сочетания в упрощенно-обобщенном виде, облегчает восприятие, быстрое осмысленное и прочное запоминание, наглядно демонстрируя логические формально-содержательные связи между рассматриваемыми единицами языка.

Заметим, что в этой схеме графически центральной линией особо выделено наиболее употребительное и распространенное в разговорной и письменной речи союзное соединение *если ... то*.

Структурно-семантические связи двучленных сложных предложений с соединительным, разделительным и условным значениями, используя конструкции с конъюнктивной связкой *и*, дизъюнктивной связкой *или* и имплекативной *если*, можно представить схематически. При этом заранее предполагается, что каждое простое предложение имеет свое самостоятельное графическое изображение. Для проведения структурного анализа генерируемых сложносочиненных предложений с соединительным и разделительным и сложноподчиненных предложений с условным значениями рассмотрим такие два простых предложения *A* и *B*, употребляемых в разговорной речи, которые впоследствии могут стать составляющими компонентами во всех рассматриваемых нами типах синтезируемых предложений.

A Все твои желания сами постепенно стали сбываться.

B Ты по-детски поверил в волшебство новогодних сказок.

Простым предложениям *A* и *B* могут соответствовать граф-схемы, аналогичные приведенным в работе [1: 55], в которой подробно исследованы комбинаторные аспекты генерирования подобных сложноподчиненных предложений с условным значением. Каждая из этих схем порождает предложения разговорной речи со всеми возможными вариантами изменения порядка слов составляющих предложений *A* и *B*. "Количество слов и их сочетаний находится в самой прямой зависимости от суммы впечатлений и представлений: без последних не может быть ни понятий, ни определений, а стало быть и поводов к обогащению языка" [Чехов. Из письма к М.Меньшикову 12 октября 1892 г.].

Объединив простые предложения *A* и *B*, мы можем образовать следующие двучленные сложносочиненные предложения с соединительным и разделительным значениями, и сложноподчиненное предложение с условным значением.

A, и B Все твои желания сами постепенно стали сбываться, и ты по-детски поверил в волшебство новогодних сказок.

A, или B Все твои желания сами постепенно стали сбываться, или ты по-детски поверил в волшебство новогодних сказок.

если B, то A Если ты по-детски поверил в волшебство новогодних сказок, то все твои желания сами постепенно стали сбываться.

На рис. 2а) представлена структурная схема сложносочиненных двучленных предложений с соединительным и разделительным значениями, близких по смыслу к предложениям *A, и B* и *A, или B*, а на рис. 2б), в) и

г) – структурная схема сложноподчиненных предложений с условным значением, близких по смыслу к предложениям *если B, то A*, соответственно с постпозитивным, препозитивным и интерпозитивным расположением обуславливающей части *B*. Заметим, что на схеме 2г) обусловленная часть *A* разделена на две составляющие *A'* и *A''* ($A \sim A' A''$).

Граф-схема для каждого простого предложения *A* и *B* на рис. 2 формально представляется кружочком, каждый из сочинительных союзов – ромбом ($\diamond$), а каждый из девяти (см. рис. 1) подчинительных условных союзов – стрелкой ($\Rightarrow$).

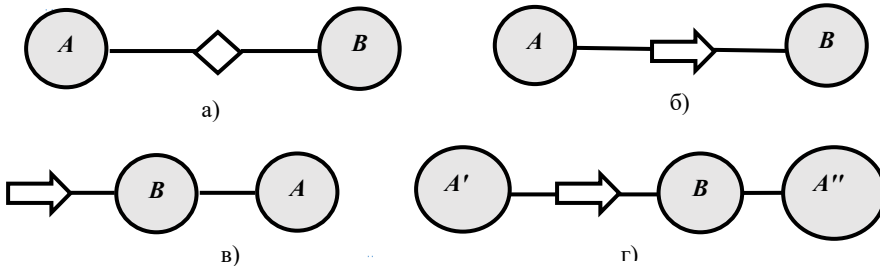

Рис. 2

Схемы, изображенные на рис.2, представляют формальное описание структуры целого ряда информативно идентичных сложных союзных предложений с одинаковой семантикой. "Вхождение в тот или иной ряд формально-семантических соотношений является одной из языковых характеристик синтаксической конструкции и фиксируется при ее грамматическом описании" [6, Т.II: 11]. Исследования сложных двучленных высказываний по таким наглядным геометрическим схемам относятся к области генеративной грамматики, в которой "... выдвигается на первый план проблема синтеза языковых единиц (в частности, предложений) из установленных в результате анализа элементов по структурной схеме, полученной при анализе" [4: 59].

Граф-схемно можно представить также и структуру соотношений синтаксических форм в бессоюзных сложных соединениях предложений. В бессоюзных двучленных сочетаниях, которые в определенной степени сравнимы со сложными предложениями, составляющие компоненты взаимосвязаны как содержательно, так и грамматически. Нами рассматриваются, в частности, двучленные сложные бессоюзные сочетания с соединительным (конъюнктивное высказывание *A, (и) B*), разделительным (дизъюнктивное высказывание *A, (или) B*) и условным (импликативное высказывание *(если) B, (то) A*) значениями, и для их исследования предлагается схематическое представление возможных соотношений составляющих частей, что дает возможность проведения сопоставительного анализа таких конструкций. В этих сочетаниях средствами выражения грамматической связи составляющих частей являются, в основном, формы син-

таксических наклонений (сослагательного, условного, побудительного), синтаксического индикатива (будущего, настоящего, прошедшего времен) и инфинитив. Так, например, такое соотношение синтаксических форм в бессоюзных сложных соединениях предложений с условным значением нами ранее было представлено двудольной и обобщенной ориентированными граф-схемами [см. 2].

На рис. 3 и 4 приведены частные случаи описанных выше соотношений. Для большей наглядности в этих схемах используются следующие обозначения: в прямоугольниках указаны рассматриваемые синтаксические формы (*В* – время, *Н* – наклонение, *И* – инфинитив); тонкая сплошная стрелка – импликация; тонкая пунктирная стрелка – дизъюнкция; сплошная толстая стрелка – наличие и конъюнкция, и импликации. Количество рамок в квадратах означает тип выходящих стрелок: две рамки (2 квадрата) – сплошные толстые стрелки; три рамки (1 квадрат) – одна толстая и одна пунктирная. Заметим, что в квадрат, представляющий условное наклонение, не будет входить ни одна стрелка, и в этом случае его формально можно изобразить пунктиром.

На рис. 3 изображен случай, где одна часть выражена формой настоящего времени, другая часть может быть представлена как побудительным наклонением, так и формами будущего и настоящего времен, и редко инфинитивом. Такими соединениями могут являться бессоюзные сочетания с соединительным (*К* – конъюнктивное высказывание) и условным значениями (*И* – имплекативное высказывание).

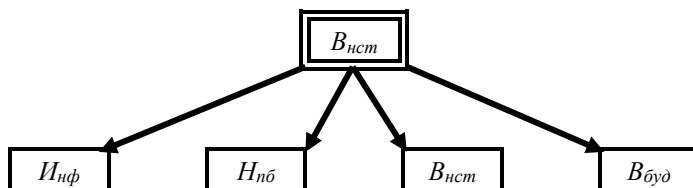

Рис. 3

Следующие примеры иллюстрируют данное схематическое представление соотношений синтаксических форм.

$$V_{нст} \rightarrow H_{нб}$$

К Голова на плечах есть, шапку достань. (Посл.)

И Любишь кататься — люби и саночки возить. (Посл.)

$$V_{нст} \rightarrow I_{инф}$$

К Саней нет, ехать некуда.

И Птицы летают низко – быть грозе.

$$V_{нст} \rightarrow B_{буд}$$

К Земля круглая — на краях встретимся. (Посл.)

И Красоту уносят годы — доброту не унесут. (Посл.)

$$V_{нст} \rightarrow V_{нст}$$

К Велик осел — воду возит, мал сокол — на руках носят. (Посл.)

И Дают — бери, а бьют — беги. (Посл.)

Заметим, что, кроме конъюнктивных и имплицативных, в этой группе могут встречаться также и дизъюнктивные высказывания:

Дьяк у места — что кошка у теста. (Пословица)

В этой пословице наблюдается соотношение форм настоящего времени в обеих частях. Однако случаи употребления настоящего времени в одной части с формами побудительного наклонения, будущего времени или инфинитива в другой не совсем свойственны для дизъюнкции.

На рис. 4 изображен случай, где вторая часть выражена настоящим временем, а первая часть может быть представлена как условным, сослагательным и побудительным наклонениями, так и прошедшим, настоящим и будущим временами и инфинитивом.

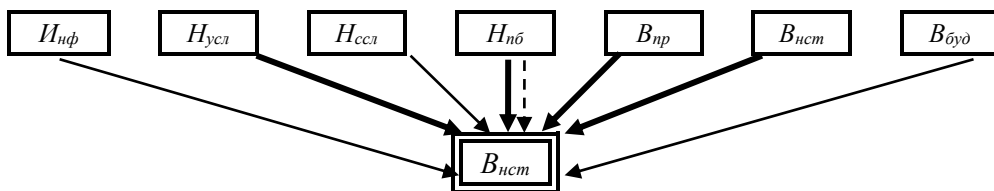

Рис. 4

Этой граф-схемой наглядно продемонстрировано, что, если первая часть представлена

а) сослагательным наклонением, будущим временем или инфинитивом, то в употреблении с формой настоящего времени порождаются имплицативные высказывания;

б) условным наклонением, прошедшим или будущим временами, то в употреблении с формой настоящего времени порождаются конъюнктивные и имплицативные высказывания;

в) побудительным наклонением, то в употреблении с формой настоящего времени порождаются конъюнктивные, дизъюнктивные и имплицативные высказывания.

Представленная структура синтаксической зависимости частей в бессоюзных сложных соединениях в виде граф-схем дает более наглядное описание их функциональной взаимосвязи, и, имея прикладной характер, может быть использована при формальном построении и содержательном исследовании различных более сложных языковых объектов.

Таким образом, наглядное графическое представление исследуемых структурных связей может быть использовано в многоплановом процессе обучения. Комплексное использование графической схемы как формы наглядности в обучении параллельно с устным или письменным изложением теоретического материала является ключом к решению практических задач и приводит к тому, что на определенном этапе обучения учащийся может самостоятельно, опираясь на схему, обобщить, систематизировать и изложить тот или иной лингвистический материал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопян А.В. Структурные и комбинаторные аспекты сложноподчиненных предложений с условным значением // «Русский язык в Армении». Ереван. 2004. № 1-2 (20). С. 55 – 60.
2. Акопян А.В. Граф-схемное описание синтаксической зависимости бессоюзных предложений с условным значением // «Русский язык в Армении». Ереван. 2005. № 2 (23). С. 25 – 27.
3. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966.
4. Джаукян Г.Б. Общее и армянское языкознание. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1978.
5. Реформатский А.А. Введение в языкознание. М.: Изд-во МП РСФСР, 1955.
6. Русская грамматика. I и II тт. М.: Наука, 1980.

ԼԵԶԿԱԿԱՆ ԿԱՌՈՒՅՑՆԵՐԻ ԳՐԱՖԻԿԱԿԱՆ ՆԵՐԿԱՅԱՑՄԱՆ ՄԱՍԻՆ
Ա. Վ. ՀԱԿՈԲՅԱՆ
ԵՂԶ

Մեթոդաբանական տեսանկյունից հատուկ հետաքրքրություն է ներկայացնում որոշակի պարզ և բարդ լեզվական կառույցների կառուցվածքային կապերի երկրաչափական պատկերը և նկարագրությունը գրաֆիկական սխեմի տեսքով, որը կարող է կիրառվել լեզվաբանական հետազոտության տարբեր փուլերում: Հոդվածում ներկայացված են շաղկապով երկանդամ բարդ նախադասությունների կառուցվածքը և դրանց բաղադրիչ միավորները նկարագրող, ինչպես նաև անշաղկապ նախադասություններում առկա շարահյուսական ձևերի փոխկապվածության գրաֆիկական պատկերները:

Բանալի բառեր. գրաֆիկական ներկայացում, լեզվական կառույց, սխեմ, բարդ նախադասություն:

ABOUT GRAPHICAL REPRESENTATION OF LANGUAGE STRUCTURES
A.V. HAKOBYAN
YSU

From the methodological point of view of particular interest is the geometric image and description of the structural connections of certain simple and complex language constructs in the form of graphic schemes that can be used at different stages of linguistic research. The article presents graphical schemes describing the structure of binomial complex sentences and their constituent units, as well as the relations of syntactic forms in the conjunctionless combinations of sentences.

Key words: graphical representation, language structure, scheme, complex sentence.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 23 апреля 2017 г., подписана к печати в номер 1(110)/2018 26.12.2017.

КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

М.И. МЕЛКУМЯН
ЕГУ

В статье говорится о пользе применения крылатых слов на практических занятиях по русскому языку не только для развития и углубления навыков владения языком, но и для расширения кругозора, умения размышлять на изучаемом языке и выражать своё мнение на русском языке.

Ключевые слова: крылатые выражения, практическое применение, методические установки, расширение кругозора, формирование заключений.

Афоризм – обобщенная, глубокая мысль определенного автора, выраженная в лаконичной, отточенной форме, отличающаяся выразительностью и явной неожиданностью суждения.

Словарь литературоведческих терминов

Александр Исаевич Солженицын (1918-2008) занимает вполне заслуженное место в истории русской литературы XX века. Пришел он в литературу нелегким путем, “не по трем-четырем примощенным ступенькам, но по сотням или даже тысячам их – неуступным, обрывистым, обмерзлым, из тьмы и холода” [2: 137]. И его вхождение в литературу было ознаменовано совершенно непривычной для господствующего тогда соцреализма тематикой и, вместе с тем, соответствующим этой тематике необычным для советского читателя языком, “подтверждающим утонченность слога, интеллигентность, профессиональность повествователя” [5: 242]. Знакомство с языковыми особенностями этого писателя, а через язык, быть может, и с некоторыми его произведениями, несомненно, обогатило бы наших учащихся не только в языковом, но и в общепознавательном плане.

В произведениях А.И.Солженицына щедро и богато представлены его философские рассуждения, проявляющие “меткость наблюдения, зоркость видения, верность жизненной реальности” [4: 150]. Для выражения этих рассуждений автору требовалось и своеобразное их языковое оформление: “краткость речевых средств, крайняя лаконичность при наибольшей, максимальной ясности выражаемого смысла” [4: 150]. Широко представленные в произведениях писателя крылатые фразы могут быть использованы на уроках русского языка для углубленного и основательного развития не только речи, но и мышления наших старшеклассников. Во-первых, крылатая мудрость фраз, меткость и поучительность этих выражений крайне привлекательны по своей содержательности. Во-вторых, “предельно сжатое и одновременно исчерпывающее определение предмета или ситуации, фиксирующее накопленный опыт жизни, познание реальности мироощущения, многообразия человеческих отношений” [4: 142] не могут не побудить учащихся не только вникнуть в смысл высказывания, но и воспринять или оспорить выраженные мысли. Как писал Л.Н.

Толстой, “сжатые мысли тем хороши, что они заставляют читателя самого серьезно думать” [4: 143].

Наиболее удобным материалом в этом плане могут служить рассуждения, выраженные вопросительными предложениями (ведь афористика по сути своей риторична!). Во-первых, такие высказывания подталкивают на оформление ответа; во-вторых, – на обоснование своей точки зрения. Конечно, ответы могут быть неоднозначными, что приведет к дискуссии и диалогам. Все новые слова, которые будут необходимы при этом, должны быть записаны с объяснениями и обязательно использованы в составленных учащимися предложениях домашнего задания для лучшего их усвоения и запоминания.

Рассмотрим конкретнее некоторые примеры:

“Как относиться к трудностям? – В области неведомого надо рассматривать трудности как скрытый клад! Обычно: чем труднее, тем полезнее. Не так ценно, если трудности возникают от твоей борьбы с самим собой. Но когда трудности исходят от увеличившегося сопротивления предмета – это прекрасно! Преодоление увеличенных трудностей тем более ценно, что в неудачах происходит рост исполнителя, соразмерный встреченной трудности!” (“В круге первом”). Работа с данным, можно сказать, текстом, несомненно, приведет к поиску и синонимов, и антонимов и других лексических единиц. Можно предложить учащимся вспомнить соответствующие пословицы, найти их аналоги в родном языке, а дома в нескольких предложениях описать ситуацию, соответствующую приведенной пословице.

Другой пример: *“Кто - оптимист? Кто говорит: вообще в стране все плохо, везде хуже, у нас еще хорошо, нам повезло. И счастлив тем, что есть и не терзается. Кто – пессимист? Кто говорит: вообще в нашей стране все замечательно, везде - лучшие, только у нас случайно плохо”* (“Раковый корпус”). Работа с этим выражением может быть проведена аналогично. Здесь, конечно, придется еще и вспомнить сравнительную степень прилагательных и наречий, а учащимся предложить высказать свое мнение, вспомнить из литературы или из жизни людей, принадлежащих к указанным категориям и описать их в домашнем небольшом эссе.

И еще несколько выражений: *“В чем смысл жизни? Мы живем – и в этом смысл. Счастье? Когда очень-очень хорошо – вот это и есть счастье, общеизвестно...”* (“В круге первом”). Пытаясь ответить на эти вопросы, учащиеся могут написать домашние сочинения с последующим их обсуждением. Ведь эта тема, несомненно, не оставит их равнодушными и побудит высказаться, при этом неизбежно пополняя соевой словарный запас. Ведь “афоризм воздействует на сознание благодаря оригинальности выражаемой мысли или идеи, глубине меткости наблюдения, а также неожиданности суждения” [4: 149]. Или: *“Чего-то всегда постоянно боюсь – остаемся ли мы людьми?”* (“В круге первом”). Для более полного обсуждения этого вопроса было бы полезно порекомендовать учащимся ознакомиться с известной сказкой Салтыкова-Щедрина, сравнить эпохи и взгляды авторов, что, несомненно, расширит и обогатит дискуссию.

Не менее продуктивным для развития речи может быть использование афористических фраз, выраженных восклицательными предложениями, отличающимися своей эмоциональностью. Вот некоторые из предлагаемых для работы в классе выражений: *“Не тот живет больше, кто живет дольше. Весь вопрос – что я успею сделать. Надо же что-то успеть сделать на земле!”* (“В круге первом”). *“Простой шаг простого мужественного человека: не участвовать во лжи, не поддерживать ложных действий! Пусть это приходит в мир и да же царит в мире – но не через меня”* (из Нобелевской лекции). Такого типа выражения, отображающие проблему личности, глубоко воспринимаются особенно молодыми людьми и “несомненно, способны укрепить их моральные убеждения, чувство достоинства, нравственные позиции, расширить круг духовных запросов” [4: 160]. *“Таланту легче понять и принять смерть, чем бездарности. А ведь талант теряет в смерти гораздо больше, чем бездарность! Бездарности обязательно подавай долгую жизнь”* (“Раковый корпус”). Это выражение ну прямо просится на работу с антонимами, кроме, конечно неизбежных философских рассуждений.

Все рекомендуемые типы работ можно проводить, конечно, и с выражениями в повествовательных предложениях. Вот некоторые из крылатых выражений, наиболее соответствующие возрастной группе наших старшеклассников и представляющие самый широкий круг тем для обсуждений: *“Нации – это богатство человечества, это обобщенные личности его; самая малая из них несет свои особые краски, таит в себе особую грань Божьего замысла; “Все меньше стесняясь рамками многовековой законности, нагло и победно шагает по всему миру насилие, не заботясь, что его бесплодность уже много раз проявлена и доказана в истории. Торжествует даже не просто грубая сила, но ее трубное оправдание: заливаает мир наглая уверенность, что сила может все, а правота – ничего”;* *“Насилие не живет одно и не способно жить одно: оно непременно сплетено с ложью. Между ними самая родственная, самая природная глубокая связь: насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а лжи нечем удержаться, кроме как насилием. Всякий, кто однажды провозгласил насилие своим методом, неумолимо должен избрать ложь своим принципом”* (из Нобелевской лекции). *“Совсем не уровень благополучия делает счастье людей, а отношение сердец и наша точка зрения на нашу жизнь. И то и другое – всегда в нашей власти, а значит человек всегда счастлив, если он хочет этого, и никто не может ему помешать”* (“Раковый корпус”). *“Война – не выход. Война – гибель. Война страшна не продвижением войск, не пожарами, не бомбежками – война прежде всего страшна тем, что отдает все мыслящее в законную власть тупоумия”;* *“Народ – это не все, говорящие на одном языке, но и не избранцы, отмеченные огненным знаком гения. Не по рождению, не по труду своих рук и не по крылам своей образованности отбираются люди в народ. А – по душе. Душу же выковывает себе каждый сам, год от году. Надо стараться закалить, отграничить себе такую душу, чтобы стать человеком. И через то – крупницей своего народа. С такую душой человек обычно не преуспевает в жизни, в должностях, в богатстве... И вот почему народ преимущественно располагается не на верхах общест-*

ва”; *“Похвала – это выпускной клапан, она сбрасывает наше внутреннее давление, и поэтому всегда нам вредна. Напротив, брань, даже самая несправедливая – это все топка нашему котлу, это очень нужно”*; *“У вещей и событий есть своя неумолимая логика. В повседневных действиях людям никогда и не грезится, какие совсем обратные последствия вытекут из их поступков, открытий, шагов...”* (“В круге первом”).

Педагог может выбрать из предложенных высказываний те, которые в наибольшей мере будут интересны в конкретном, данном классе. Ведь “стрелы афоризмов продолжают падать точно в цель, сохраняя великую силу слова” [4: 154] вне зависимости от времени, разделяющего нас от автора. Учитель должен предварительно продумать лексическую работу по выбранному тексту: синонимы, антонимы, возможные перефразировки, синтаксические трансформации; по ходу разбора, анализа высказывания неизбежна определенная словарная работа: каждое незнакомое слово должно записываться с объяснением. Для закрепления понимания значений новых слов ученики обязательно должны дома составить с этими словами предложения, что выявит, насколько правильно усвоено значение этих слов. Для лучшего восприятия и понимания высказывания можно предложить ученикам дома попробовать перевести данный текст на родной язык – это очень полезная для развития языковых способностей работа и выполняется она обычно с большим интересом. В классе при сравнении вариантов переводов выявляется наиболее удачная, точная передача содержания.

Знакомство с крылатыми словами этого очень интересного и, несомненно, талантливого писателя может обогатить не только языковые возможности, но и представления и мысли старшеклассников, готовящихся к выходу на новую ступень своей жизни. Ведь “глубокие, умело выраженные мысли не утрачивают со временем своего значения. Крылатые слова словно на крыльях перелетают из века в век, от одного поколения к другому” [4: 148] и не могут не затронуть умы и чувства юношей и девушек, готовящихся к вступлению в новый этап жизни. Даже такие фрагментарные выдержки из произведений А.Солженицына могут помочь “понять масштабы, критерии и меру, с которыми автор подходит к оценке реальности, увидеть индивидуальность личности, ее мироощущение” [4: 145]. Думается, что кому-то из учащихся станет интересно ближе узнать этого автора и его произведения, из которых можно порекомендовать каждому наиболее соответствующее выбранному им пути. Так, для готовящихся в медицинский вуз, несомненно, полезной и интересной будет повесть “Раковый корпус”; для нацеленных на исторический факультет – эпопея “Красное колесо”; для богословского факультета – рассказы “Матренин двор”, “Пасхальный крестный ход”; для экономического профиля – публицистическое исследование “Как нам обустроить Россию”; для будущих журналистов – философские миниатюры “Крохотки”; для факультета международных отношений и юридического – роман “В круге первом”.

В заключение хочется выразить надежду, что предложенная работа будет интересна и полезна нашим старшеклассникам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солженицын А.И. В круге первом // НМ. 1990. №№ 1-5.
2. Солженицын А.И. Нобелевская лекция // НМ. 1989. № 7.
3. Солженицын А.И. Раковый корпус // НМ. 1990. №№ 6-8.
4. Федоренко Н.Т. Афоризм как жанр словесного искусства // ВЛ. 1973. № 9.
5. Чудакова М.О. Сквозь звезды к терниям // НМ. 1990. № 4.

Ա.Ի. ՍՈԼՉԵՆԻՑԻՆԻ ԹԵՒԱՎՈՐ ԽՈՍՔԵՐԸ ԴՈՒՄԱՅ ԼԵԶՎԻ ԴԱՍԸՆԹԱՑԻՆ
 Ա. Ի. ՄԵԼԿՈՒՄՅԱՆ
 ԵՈՂ

Հոդվածում մեկնաբանվում է հայալեզու լսարանում թևավոր խոսքերի կիրառման օգտակարությունը ոչ միայն լեզվի տիրապետումը զարգացնելու համար, այլև մտածողության և մտքի ընդլայնման, սեփական կարծիքը ձևավորելու և արտահայտելու հարցում:

Առանցքային բառեր՝ թևավոր խոսքեր, կիրառական օգտագործում, մեթոդական խորհուրդներ, մտահորհորհի ընդլայնում, մտքի զարգացում, արտահայտվելու ունակություն:

A.I. SOLZHENITSIN'S WINGED EXPRESSIONS IN THE CLASSES OF RUSSIAN
 LANGUAGE
 M.I. MELKUMYAN
 YSU

In this article is discussed the usefulness of winged expressions during the auditorium not only for development of language skills but also for expanding the horizon, mind development and forming and expressing own thoughts in Russian.

Key words: *winged expressions, practical use, methodical directives, expanding the horizon, mind development, summary forming.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 12 апреля 2017 г., подписана к печати в номер 1(110)/2018 26.12.2017.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О КНИГЕ Е.Ю. ПОЛТАВЕЦ «МИФОПОЭТИКА “ВОЙНЫ И МИРА” Л.Н. ТОЛСТОГО»

С.В. ГЕРАСИМОВА

Московский политехнический университет

Е.Ю. Полтавец «Мифопоэтика “Войны и мира” Л.Н. Толстого». Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2017. – 216 с.

В наше время одной из наиболее влиятельных концепций, раскрывающих взаимоотношения мифа и литературы, остается концепция Е.М. Мелетинского. Если Лев Толстой – победитель Наполеона (по Д.С. Мережковскому), то, по Е.М. Мелетинскому (в принципе согласному в этом вопросе с Мережковским), Толстой – еще и разрушитель мифов. Толстовская «Война и мир», согласно этой точке зрения, развенчивает не только наполеоновский миф, но и миф о герое. Не находит ученый в толстовском произведении и ключевой для мифа оппозиции хаоса и космоса: «...В русской литературе XIX в. существовали весьма выдающиеся писатели с проблематикой большого масштаба, но слишком далекие от интересующих нас архетипов... Чтоб подчеркнуть это, укажу на один пример – на Льва Николаевича Толстого, в частности, как автора “Войны и мира”» [2: 127]. Однако нельзя не видеть, что такое сведение задачи мифопоэтического исследования к поискам в тексте примеров сознательного мифологизирования или отказа от мифологизирования (т.е. того же с обратным знаком) редуцирует мифопоэтический комментарий до простых отсылок к генезису мифологической образности. С этой точки зрения мифопоэтическое исследование «Войны и мира», действительно, оказывается малопродуктивным, т.к. мифологических имен и сюжетов, представленных эксплицитно, в толстовском произведении не много.

В монографии **Е.Ю. Полтавец «Мифопоэтика “Войны и мира” Л.Н. Толстого»** (Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2017. – 216 стр.) предлагается принципиально противоположный подходу Мелетинского взгляд на мифологизм «Войны и мира». Антинаполеоновский и антимилитаристский смысл великой книги видится автору монографии отнюдь не порождением демифологизации, а напротив, закономерным следствием глубокой и органичной реставрации мифологических фабульно-образных моделей, их архетипной основы.

Традиционно романы Льва Толстого превозносят за «социальный историзм», не исключая из этого ряда книгу «Война и мир», при этом мало принимая во внимание ее фантастичность и направленность на фальсификацию истории (просьба не воспринимать слово «фальсификация» в негативном

плане, т.к. Толстой, как известно, не рассматривал «Войну и мир» ни как хронику, ни как исторический роман, предлагая свое видение и наполеоновских войн, и миссии России в мире). В своей монографии Полтавец следует за толстовским определением жанра «Войны и мира» («книга», «писание») и предлагает новый взгляд на мифопоэтическую систему «Войны и мира», основанный на мотивном анализе произведения.

В функциональном анализе мифо- и ритуалопоэтики «Войны и мира» автор монографии опирается не только на теории ритуально-мифологической школы (М.Бодкин, Н.Фрай), но и на мифореставрационный метод С.М. Телегина [3], позволяющий распознать мифологические фабулы и модели, являющиеся в «Войне и мире» имплицитными, но имманентно присущими этому произведению, ключевыми, определяющими основы сюжетных линий и образности.

Так, в монографии рассматривается система мифологических и библейских мотивов «Войны и мира», что приводит автора к убедительному выводу о том, что жанрово-композиционной моделью для Толстого явился не столько древний эпос (например, гомеровская «Илиада»), сколько сакральные тексты, и прежде всего Священное Писание. В монографии проанализирована антропонимическая система книги Толстого, с одной стороны, восходящая к Новому Завету (имена центральных персонажей: князь Андрей, Пьер, княжна Марья) и, разумеется, апокрифически видоизмененная, а с другой – отсылающая к лабиринтному мифу (Телянин), к троянскому мифу (Элен), к платоновской интерпретации греческой мифологии (Платон Каратаев), к поэтике былин (Данила), к традициям христианской агиографии (Наташа Ростова, маленький сынок молодых Николая и Марьи Ростовых – Митя Ростов).

Значительное место отводится рассмотрению ритуалореставрации, т.е. скрытых проекций текста на архаические миротворческие, любовные, гадательные, охотничьи, погребальные, календарные и прочие обряды. Так, раскрывается образный код архаического ритуала «хождения по меже» (к меже на Бородинском поле подходит князь Андрей именно в тот момент, когда рядом с ним падает граната), магических действий Болконских с зажиганием свеч и закрыванием дверей, толкования «теллурического шепота» дуба, созерцания неба, шитья и обвязывания одежды Каратаевым и т.д. Разумеется, ни действия эти, ни онейротопика, отсылающая к баптистерию или, например, к ритуальному спарагмосу, не комментируются ни автором, ни персонажами как ритуальные, и не только потому, что для ритуала характерно «табуирование вербальной деятельности» [5: 22], но и в силу бессознательной творческой мобилизации глубинных архетипических структур.

В своей работе Полтавец настаивает на понимании прагматики «Войны и мира» как направленности на преодоление кризисной, лиминальной ситуации, ситуации хаоса распавшегося мира. В монографии показано движение главных героев и всего «завалившегося» мира к космическому и одновременно христианскому синтезу. Подчеркивается усиление роли евангельских концептов «птица небесная», «Отец», «Сын» по мере приближения к катартическому финалу, а также возрастание значения новозаветной цита-

ты и реминисценции. Историческая основа (повествование о прошлом, об эпохе наполеоновских войн) в «Войне и мире» совмещена, согласно прочтению Полтавец, с главным для Толстого: объяснением настоящего и будущего, причем не только России, но и всего мира. Эта мысль, сама по себе в толстоведении отнюдь не новаторская, актуализируется в рассматриваемой монографии именно как доказательство не только возможности, но и необходимости рассмотрения книги Толстого в аспекте мифа, неотъемлемой чертой которого является указание на итеративность событий, из которой следует их предрешенность в мифологическом времени и пространстве. С этой точки зрения бред князя Андрея в Мытищах есть воспроизведение вишнуистского мифа о восстановлении разрушившегося мира, а, допустим, сон Николеньки Болконского в «Эпиллоге» проецируется на архетипную ситуацию Гефсиманского моления.

Мотивный анализ «Войны и мира» в монографии предлагается в рамках понимания мотива по-гаспаровски [1]; мотив рассматривается как повторяющийся смысл и как манифестант концепта. Так, в тесной связи с мифом проанализированы мотивы пряжи, границы, двери, дерева, неба, воды, камня, ягод, насекомых, стереометрических форм, сакральных чисел. В разделе о танатопэтике развернуто концептуальное, хотя и небесспорное рассмотрение до сих пор не решенного и, в общем, в огромной степени даже не поставленного в «войнамиростике» вопроса о соотношении эпизодов «ухода» князя Андрея с общей религиозной концепцией непротивления злу насилем, которая уже в период «Войны и мира», а не только после, была краеугольным камнем учения Толстого.

Монография о мифопэтике одного из величайших произведений мировой литературы, о роли мифа в книге, которая всегда считалась вершиной реализма, подтверждает, что «мифологическая образность и структура мифосознания всегда используются реалистическим романом для создания или подтверждения своих конфликтов», как пишет С.М. Телегин [4: 25]. Подтверждая это, Полтавец показывает в своем исследовании, что мифологичность формы связана в «Войне и мире» с христианским содержанием.

Первопроходческую работу исследовательницы можно упрекнуть в импрессионистичности и (это относится к некоторым частным заключениям) в приоритете инсайта перед доказательностью. Осознавал ли автор «Войны и мира» столь тесную, по мысли Полтавец, соотнесенность своего творения с мифом и ритуалом? Но вспомним, что современная наука о литературе исходит из принципа: «смысловые потенции текста далеко выходят за пределы того, что имел в виду его создатель» [6: 188]. И дело здесь не сводится к односторонней концепции рецептивной или какой бы то ни было периферийной теории эстетики. Толстой вполне осознавал сотериологическое назначение своего произведения и ориентировался на сакральный текст, стало быть, мы вправе углубляться в функциональный анализ мифопэтики его великого творения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. М.: Наука, 1993. – 304 с.

2. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. – 136 с.
3. Телегин С.М. Ступени мифореставрации. Из лекций по теории литературы. М.: Спутник+, 2006. – 376 с. И другие работы.
4. Телегин С.М. Русский мифологический роман. М.: Спутник+, 2008. – 352 с.
5. Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука, 1988. – С. 7 – 60.
6. Цурганова Е.А. Герменевтика // Современное зарубежное литературоведение. М.: Интрада – ИНИОН, 1999. – С. 185 – 192.

Ե. Յու. Պոլտավեցի «Լ.Ն. Տոլստոյի “Պատերազմ և խաղաղություն” վեպի միֆոպոետիկան» գրքի մասին

Ս.Վ. ԳԵՐԱՍԻՄՈՎԱ

Մոսկվայի պոլիտեխնիկական համալսարան

Е.Ю. Полтавец. «Мифопоэтика “Войны и мира” Л.Н. Толстого». – Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 216 с.

About the book of E.Yu. Poltavets “Mythopoetics of L.N. Tolstoy’s *War and peace*
S.V. GERASIMOVA

Moscow Polytechnic University

Е.Ю. Полтавец «Мифопоэтика “Войны и мира” Л.Н. Толстого». – Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 216 с.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 30 апреля 2017 г., подписана к печати 26.12.2017 в номер 1 (110) / 2018.

«АВЕ, РОССИЯ» И «ВАГОН В ЗАПАСЕ», или ПОПЫТКА ВЫЧЛЕНИТЬ ИСТОРИЮ ИЗ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Н.Г. ГОНЧАРОВА

Институт мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ РАН)

В.В. Мадоян. *«Аве, Россия, или Как начиналось крушение СССР».* М.: Худ. лит., 2014. - 374 с. *Вагон в запасе.* М.: Худ.лит., 2016. – 445 с.

Книга **В.В. Мадояна** «Аве, Россия, или Как начиналось крушение СССР» (М.: Худлит, 2014), лежащая передо мной на столе, является книгой необычной. По сути дела, это попытка увидеть исторический процесс со всеми вытекающими из него глобальными последствиями из самых обычных разговоров, настроений и порой необдуманных поступков. Когда поднимаешься в гору, горы не видишь – видишь камешки на тропе под ногами, трещины в леднике, обрывистую шершавую стену, на которой вишишь, по которой карабкаешься. Гора видна со стороны. И мы только теперь, с расстояния в тридцать с лишним лет, можем хоть как-то осмыслить то, что когда-то произошло на наших глазах.

Книга Мадояна посвящена такому сложнейшему процессу, как извлечение крупиц правды из всех мифов, слухов и домыслов, которые накопились в общественном сознании по поводу развала Советского Союза за минувшие годы. Могу сразу сказать: я восхищена прозорливостью и смелостью автора, дерзнувшего воспроизвести ту почти будничную, обыденную обстановку «кухни» позднесоветских времен, на которой (которых) велись эти бесконечные и якобы никуда не ведущие разговоры. «Аве, Россия» – это попытка анализа прошлого, попытка понять, откуда взялось наше настоящее.

Приведу один литературный пример. В «Войне и мире» Л.Н. Толстого сказано, что отказ никому не ведомых мужиков везти провиант в Москву, занятую французами, приводит в конечном итоге к разгрому наполеоновской армии. То же, по сути, происходит и в книге Мадояна. Но этого мало: то же происходит и сейчас в любой точке земного шара, потому что по-прежнему дергаются все те же ниточки, и мнящие себя независимыми и свободными марионетки послушно ведутся на все те же провокационные приемы. Механизм этой глобальной «кухни» необходимо понимать, и именно показом, как она действует, и ценна, прежде всего, книга «Аве, Россия». В ней впервые в художественной форме явно и ярко показано, что крушение СССР – результат самого подлого предательства!

В каждый исторический процесс вовлечена огромная масса народа, но состоит эта масса из отдельных людей, их мнений, мечтаний и потребностей. Те, кто задумал совершить нечто громадное по историческим масштабам, должны начинать именно с подвижек к тому мельчайших частей этой массы – отдельных людей. В.В. Мадоян показывает, как смешные, трогательные, немного грустные истории отдельных людей увязываются

воедино и используются для того, о чем они сами, возможно, всерьез и не помышляют. Эти люди не выходят на демонстрации, не машут флагами, не попадают в лагерь и тюрьмы как инакомыслящие. Они просто разговаривают. Дурацкая и смешная история, как два умника отправляются в Индию зарабатывать на рождении белых детей, незаметно перетекает в повесть совсем о другом.

Она превращается в историю о том, как в умелых и недружественных руках изнутри, незаметно совершается будущий государственный переворот. Он начинается в душах людей, втянутых или втянувшихся бездумно, по легкомыслию, в разрушительную машину невиданной силы. Механизм оранжевых революций вскрыт в книге Мадояна придиричиво и дотошно, и то, что ему сопутствует хотя бы видимость самостоятельной жизни этих людей, только усиливает эффект достоверности.

Опытные ловцы душ улавливают мельчайшие оттенки настроений позднесоветской эпохи. Перед нами разворачивается панорама внутренней жизни советского гражданина последних лет советской власти, его равнодушие и отторжение от тупых, приевшихся лозунгов коммунистической пропаганды, бездумное спекулирование словами, полное непонимание современной западной жизни. В то же время советскому человеку все еще свойственна простодушная уверенность в прочности бытия советского государства, впитанная некогда с молоком матери: «Переподготовка сегодня была посвящена краху советской системы и развалу СССР. Когда объявили тему, мы все переглянулись, поскольку СССР в нашем сознании всегда ассоциировался с непобедимостью и космическими ракетами».

Та питательная среда, в которой по большей части зарождалось негативное отношение к СССР, обернувшееся затем сменой власти – прежде всего, всеобщая некомпетентность, малое образование, соображения недовольства бытовой стороной жизни. Таковы, например, замечательные своей анекдотичностью споры о том, был ли Христос грузином, раз его отцом был Давид; или утверждение, что на свете существует «по солнцу на город», переданные с неподражаемым мягким юмором. С другой стороны – всеобщее рвачество и карьеризм, не подкрепленные ни единой полезной для общества идеей: «Я все ближе и ближе узнавал этих людей и все больше... удивлялся тому, как они могли стоять во главе какой-либо власти?! Ни один из них ни разу за время переподготовки не заговорил всерьез о государственных интересах. У всех на уме были только должность и "партийная спайка" руководящих работников...».

В этой мутной воде и ловится рыбка... Автор устами своего героя озвучивает уловки, на которые идут «переподготовщики», чтобы переориентировать своих «студентов»: «Каролина говорила очень много и больно, и я волей-неволей понимал ее правоту». Тонко сбалансированные правда и ложь в этой пропаганде – как раз тот крючок, на который можно поймать именно таких, ползунающих, полудумающих людей. И то, что два главных героя романа иронически смотрят на то, что с ними происходит, ничего в

общей картине не меняет: они сами в себе уже несут будущие перемены. И то, что один из тех, за кем наблюдает автор, ко всему, кроме собственных интересов, равнодушных людей через десять лет «уже работает министром в правительстве своей республики и поставил цель вести активную борьбу с коррупцией» говорит одно. Это то, что мы все уже поняли: любые революционные перемены в обществе, спровоцированные таким хитрым способом, ведут только к воспроизводству коррупции, рвачества, невежества и не могут служить интересам народа.

На подобной смеси лжи и правды, на слепоте людей строятся все оранжевые революции последних лет, включая и «вёсны», бушующие за пределами нашей страны. Это все – театр марионеток, кукловоды которого не видны, но весь мир при этом ощущает, как дергаются в их руках незримые веревочки, на которые ловятся недалекие простаки. Вскрыть подобный механизм, разыграть его в лицах, на фоне смешных и грустных историй о наших гражданах за рубежом – трудная задача, с которой автор книги справился блестяще.

Но у Вагаршака Мадояна еще одна книга, на мой взгляд, способная не только доставить удовольствие читателю, но и заставить его подумать – так же, как это сделала, скажем, со мной его первая книга. Это роман «Вагон в запасе», который вышла в свет в 1916 году. Каждый, кто читал первый роман Мадояна «Ave Россия», безошибочно узнает стиль автора уже с первых строк. Каждое слово буквально пропитано очень характерной иронией – тонкой и одновременно немного грустной.

Вторая книга Мадояна относится к периоду жизни более раннему, нежели «Ave Россия». Если в «Ave» Советский Союз уже необратимо трещит по швам, то здесь СССР еще предстает перед нами в полной силе – со всеми, столь знакомыми любому человеку, жившему в то время, глупостями, несурразицей и вместе с тем неуловимым обаянием.

Все теми же остались и главные герои – бессменный Володя Зубков, спокойно-ироничный, умный, но еще не покрывшийся броней цинизма, и сам рассказчик. Изменились декорации. Если в первой книге друзья направляют свои беспокойные стопы в Индию, то здесь, будучи студентами, они скромно сидят в лесах где-то под Владимиром, загремев на военные сборы.

Однако простой, казалось бы, рассказ, скрывает в себе гораздо более глубокий смысл, чем видится на первый взгляд. Это прекрасная иллюстрация ко всей советской жизни – действия по приказу, не несущие в себе никакого смысла, требование безоговорочного исполнения этих бессмысленных приказов и попытки мыслящих людей найти хоть какой-то смысл в происходящей несурразице.

Наверное, лучше всего происходящее описывается вопросом Володи: *«Потому что все повторяют одно и то же и нас заставляют делать одно и то же! Во-первых, зачем в полночь стоять “Смирно!”, и, во-вторых, зачем это сто раз повторять?»* Зачем совершаются действия, не нужные

по сути никому? На этот вопрос ответ только один – так надо. Страна так сказала.

Как обычно это и бывает, в одной упряжке оказываются люди, самые разные по характеру и образу мышления, что только лишний раз подчеркивает простейшую истину – сколько бы ни старалась власть свести всех к одному знаменателю, невозможно подавить личность полностью, рано или поздно человек всегда начинает задаваться неудобными вопросами. Это уже выстрел и в современность!

Каждый из персонажей является по сути своей отпечатком определенного пласта общества и таким образом вся повесть – зарисовка на тему столкновения диаметрально противоположных точек зрения в атмосфере наивысшей концентрации советской жизни. Есть у нас здесь и юристы, и экономисты, и философ и даже «граф». И по воле случая все они – такие разные и, казалось бы, не имеющие общих точек соприкосновения – нисколько не задумываются разбежаться. Вот это тот фактор, который явно указывает, что развал СССР был обусловлен не националистическими раздорами, не «объективными факторами», а «беспрекословным подчинением нижестоящих органов вышестоящим», что оказалось роковым для великой страны! Советский человек желал перестройки, гласности, боролся против коррупции и застоя. Вот это ему и подсунили хозяева Горбачева взамен существующего, но вместо кислорода пустили... углекислый газ! Но пока красивые мордашки в красивых обложках вешают нам лапшу на уши, нашелся же писатель, который сказал в глаза то, что... мы все думаем!

Можно ли рассматривать описанное как первые звоночки к грядущему распаду привычного образа жизни? Безусловно. Ведь еще 40 лет назад никому и в голову не пришло бы вслух рассуждать на тему экономики Западных стран, а уж пустить шпильку на тему эксплуатации и подавно.

Не могу не отметить еще один прием, с успехом использованный в обеих книгах Мадояна – группа героев состоит не просто из разных по складу и характеру людей, но еще и интернациональная. Ведь это тоже своего рода отсылка к тем временам, когда люди разных национальностей были объединены. И речь здесь не о победившем духе коллективизма – недаром каждый персонаж имеет свой ярко-выраженный характер, подчеркнутый национальными чертами, а именно об общей идее, общем характере жизни.

Сменяются декорации, во все более абсурдные ситуации попадают герои, и с каждой страницей все сильнее становится узнавание, все острее понимаешь, что речь идет вовсе не о группе студентов, ютящихся в палатках и марширующих под дождем, а о той жизни, которой мы жили – вся страна жила, понимая или не понимая этого. Так Владимир Высоцкий спел о Чужой колее, с усмешкой назвав ее «авторождной песней». На первый взгляд она такая и есть, но чуть вслушайся, немного задумайся, и ты увидишь не застрявшую машину, а всю страну.

Так о чем же тогда тоскует автор, выбравшись из Владимирских лесов и из колеи одновременно, несмотря ни на что оставаясь советским челове-

ком? Неужели о победившей глупости? Или о бессмысленной принудилровке и уравниловке? А, может быть, все же о той уверенности в завтрашнем дне, которая присутствовала в том времени, когда каждый знал, что у него будет будущее? О той, исходно вовсе не плохой модели жизни, которая могла бы быть, если бы Сашко-Петуховы не возвели ее в степень маразма? Я думаю, что каждый сам найдет для себя ответ, прочитав новую книгу Вагаршака Мадояна «Вагон в запасе».

В обе книги входят еще и рассказы, написанные, как и романы, хорошим русским языком; изредка попадающиеся неровности в стиле воспринимаются как приятный кавказский акцент. Они близки по духу и стилю к зарисовкам заграницы и пребывания в ней советских людей, но в них явно больше сарказма. Эти рассказы постоянно смешат, но в то же время понимаешь, что, если оглянешься, то увидишь вокруг не менее смешные и совершенно достоверные истории – достаточно включить телевизор. Безумие нашей жизни оживает на страницах книги и, смешая, ужасает своей достоверностью. Так, рассказ «Голубые паруса», повествует о попытке все тех же героев повернуть аферу с переименованием улиц с коммунистическими названиями. Читая, мы погружаемся в театр абсурда, в котором все кипит безумными идеями, вроде постройки Эйфелевой башни прямо на Тверской в Москве или мавзолея Ленина на Килиманджаро или на Джомолунгме...

Рассказы же из второй книги – «Вагон в запасе» – более жесткие, суровые, что естественно – это рассказы исторические, и события давней истории представляются читателю более трагическими и серьезными, чем события наших дней, над которыми мы можем позволить себе и посмеяться – ведь это события нашей жизни, не чьей-нибудь. Возможно, когда-нибудь для наших внуков и дела дня сегодняшнего предстанет в обнажено-трагическом свете; пока же в книгах Мадояна мы видим, как творится история – теперь и тогда.

Сарказм и мягкий юмор, фантастические нелепицы и узнаваемые образы нашей современной жизни, смешное и грустное – все это составляет живую ткань этих двух книг талантливого армянского писателя. Они – как зеркало, в которое мы все можем посмотреться, чтобы увидеть в красках и себя, и нашу действительность. И потому книги В.В. Мадояна, на мой взгляд, заслуживают самого заинтересованного внимания широкого читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мадоян В.В. Ave, Россия, или Как начиналось крушение СССР. М.: Художественная литература, 2014. – 374 с.
2. Мадоян В.В. Вагон в запасе. М.: Художественная литература, 2016. – 445 с.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 3 ноября 2016 г., подписана к печати в номер 1 (110) / 2018 26.12.2017.

**ՀՀ ԿԳՆ Կրթության
ազգային ինստիտուտ**

**Հասցե՝ Տիգրան Մեծի 67: Հեռ՝ 572 100:
Էլ կայք՝ www.aniedu.am**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Лингвистика

А.Б. Абгарян	Из истории некоторых арменизмов в русском языке. Часть I.	3
С.П. Ламбарджян, Р.С. Тер-Саркисова	Роль персуазивности в диалогизации монолога.....	13

Литературоведение

Л. Р. Фарамазян	Армянский контекст в творчестве Бориса Чичибабина	27
-----------------	---	----

Лингвопоэтика

В.А. Гавриков	Неграмматическая акцентуация у Высоцкого: диалогизирующая, субъектная, профессиональная.....	33
---------------	--	----

Методика

А.В. Акопян	О графическом представлении языковых структур.....	44
М.И. Мелкумян	Крылатые выражения А.И. Солженицына на уроках русского языка	51

Критика и библиография

С.В. Герасимова	О книге Е.Ю. Полтавец «Мифопоэтика “Войны и мира” Л.Н. Толстого»	56
Н.Г. Гончарова	«Ave, Россия» и «Вагон в запасе», или Попытка вычлениить историю из повседневности.....	60